

ВАДИМ ФЕФИЛОВ

18+

ТЕНИ МАЛИ

РОМАН

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАПИТАНА БЕНФИКИ

CE
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА СУЗВИНОЙ

Вадим Павлович Фефилов
Тени Мали
Серия «Восточный роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68294147

Тени Мали:

ISBN 978-5-17-148261-9

Аннотация

Вадим Фефилов – известный репортер-документалист, побывавший практически во всех зонах военных конфликтов от Югославии до Ирака. «Тени Мали» – захватывающее продолжение его дебютного романа «Клинка капитана Бенфика».

Бенфика, дочь арабского шейха и офицер контрразведки, отправляется в Мали, чтобы расследовать убийство своей матери. Героине приходится действовать в отряде повстанцев, воюющих против французских оккупационных сил, местных исламистов и различных банд на севере Сахары. Всё ради того, чтобы узнать, кто послал убийцу в ее дом много лет назад.

Содержание

Часть I	5
1	5
2	21
3	39
4	59
5	74
6	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Вадим Павлович Фефилов

Тени Мали

© Фефилов В.П.

© ООО «Издательство АСТ»

Основано на собственных наблюдениях Франсафрики, Йемена, Сирии, Ирака и других конфликтных территорий. Большинство героев реальны, их истории литературно обработаны, имена и фамилии изменены, а совпадения случайны.

Часть I

1

Птенчик

Регион Тимбукту, пять километров к юго-востоку от внутренней дельты реки Нигер

Место для засады на французов выбрали подходящее: посреди редколесья суковатых акаций у дороги из красного железистого гравия, почти забытой в нынешние военные времена. Высокая девушка в серой бейсболке положила калашников на капот большого щелястого внедорожника и принялась рассматривать свои руки. Нет, это уже не руки дочери шейха – на костяшках смуглых кулаков ощутимые мозоли от ежедневных отжиманий от пола; несколько мелких рубцов, оставшихся с детства после ударов по зубам каким-то мальчишкам; немного утолщенный сустав большого пальца после перелома пястной кости в финале первенства по тайскому боксу (выигранном!); с внешней и внутренней стороны левой кисти белесый гипертрофический шрам длиной в полтора сантиметра – следствие спарринга по ножевому бою в Военной академии, когда инструктор Гленн проткнул ей насквозь ладонь ножом из армированного пластика, а она

в запальчивости в ответ рубящим ударом перебила британскому наемнику ключицу. Но это ладно. Хуже другое. За полгода, проведенные в пустыне, обезвоженная кожа на руках стала тусклой и покрылась белым налетом. Ногти словно припудрили. Они потеряли естественный блеск и стали как у покойника. Началось расслоение ногтевых пластин. Еще немного скитаний по дикой сухой местности, и она станет человеком без ногтей. Завтра они ограбят французов... нет, лучше сказать, экспроприируют. На родине дослужилась до капитана госбезопасности, а здесь, в Африке, вот-вот скатится до грабежа. О, Аллах, прости все грехи и проступки! Уже совсем скоро местный бандит Омар Хомахи расскажет ей о настоящих причинах смерти матери. И тогда можно эвакуироваться из проклятой пустыни. Она больше никогда не увидит людей с синими тряпками на лице.

Девушка запрыгнула на водительское сиденье внедорожника и без надежды покрутила ручку автомагнитолы. Ни радио, ни газет, ни фейсбука. Небольшой куполообразный шатер из козьих и муфлоньих шкур, окрашенных красноватой охрой, проржавевшая японская колымага – вот и весь их повстанческий лагерь.

Зимнее солнце стало посматривать в сторону Магриба, и человек без лица принялся разжигать огонь из колючек и сухого помета на ржавом, чуть теплом песке. Дядюшка Орион, старший партизанской группы, вместо обсуждения плана предстоящей операции потер неоднократно сломанный нос

и безмятежно полез отдыхать в палатку. О Аллах! Она присела на корточки у костра, и человек без лица впервые (после утреннего знакомства) обратился непосредственно к ней:

– Медина – это имя или позывной?

– Имя.

– Знаешь, что оно означает?

Девушка молчала.

– «Блистательный город», если перевести с арабского.

А этот тип не был простаком. Может, даже умел читать, что редкость для мужчин с синей тряпкой на лице.

– Медина, а ведь верно люди говорили, ты и вправду похожа на нашу царицу Тин-Хинан. Тоже высокая, зеленоглазая, сильная...

Как же они надоели с этой своей Тин-Хинан! В Мали она оказалась в начале жаркого лета, а сейчас уже зима, ветреный декабрь.

Человек без лица как бы в подтверждение своих слов несколько раз энергично кивнул синим тюрбаном. Его лицо было закрыто до самых глаз, и вот это раздражало больше всего. У здешних мужчин нет лиц, только глаза. Серые, голубые, черные или, как у этого типа, желтые, обведенные углем. Они смотрели из узкой щели между тюрбаном и вуалью, как из амбразуры. Говоря языком следователя или оперативника, а у себя на родине она успела поработать и тем и другим, составить словесный портрет мужчины-туарега невозможно. И понять, о чем он думает, тем более.

– Медина, а сколько тебе лет? Двадцать пять?

– Да.

– Значит, через пять лет ты сможешь выбрать себе мужа.

Выберешь меня?

– Пока сюда ехали, ты болтал мало, и это было неплохо, – резко сказала, и ее ответ человеку без лица не понравился.

– Говорят, ты владеешь боевым джиу-джитсу? – Он недоуменно пожал плечами: мол, разве так бывает. – Такая красотка – и джиу-джитсу. Это забавно...

– Твое имя в переводе означает Орел? – спросила она недружелюбно и подложила хворостину в костер. В глазах цвета лесной ночи мелькнули два дракона. – А ты и вправду орел?

– Тебе виднее, Медина... Покажешь коронный удар?

– До ближайшего спортзала километров восемьсот. Если по прямой.

– А у нас тут свой стадион! – Оказывается, этот тип мог феноменально быстро переходить со спокойного тона на дерганый фальцет. – И стрелковый тир настоящий! Ну, давай! Покажи, что ты за боец! – Он вскочил на ноги, скинул плащ из тонкого серого войлока с капюшоном, отпрыгнул от огня и приготовился к воображаемому нападению: выставил перед собой левый кулак, а правым прикрыл подбородок. Сухой и длинный, как все туареги.

– Хорошо, Орел, раз ты настаиваешь. – Она встала с корточек и по привычке провела руками по волосам, убранным

ным назад в несколько тугих косичек, поправила воображаемый хиджаб. Никак не привыкнет, что местные мусульманки платки не носят. – На все воля Аллаха, – и повернула серую, без надписей бейсболку козырьком назад. – Тебе уже есть восемнадцать?

– Конечно...

– То есть обряд посвящения в мужчины уже пройден? – уточнила скучным голосом и неожиданно оказалась рядом, на расстоянии удара. Быстро присела и без замаха ткнула Орла в голень подхваченным у костра камнем размером с незрелую грушу. Он охнул и согнулся. Она привстала и впечатала пустынный ботинок в его правое колено. Орел рухнул на песок и заклокотал горлом. – Сейчас добыю... – Она приблизила камень к его лицу: – Добить?!

– Не-е-ет!

Бросила галечник и шагнула к костру. Ну хоть размялась под вечер.

– Разве это джиу-джитсу? – Орел сидел на песке, растирал ушибленное колено и рассматривал камень.

– А ты думал, я буду прыгать перед тобой и мяукать, как Брюс Ли?

– Да-а... А если булыжника под рукой не окажется?

– Плесну в лицо кипятком и перережу ножом бедренную артерию.

– А если я вытащу меч из шатра?

– Достану пистолет и прострелю руку.

– И это тоже будет джиу-джитсу?

– Да, боевое... Ну, хватит болтать! Приготовь ужин!

К ее удивлению, Орел... нет, не Орел, скорее птенчик...

послушался и пополз на четвереньках к костру. На треть за-
копченного чайника он насыпал заварку и потом так же мно-
го сахара. Для туарегов жизнь без очень сладкого чая – не
жизнь. С расстояния сантиметров в тридцать выливал ки-
пяток из чайника в граненые стаканчики, потом обратно –
и так несколько раз, покуда в посудинках не образовывался
толстый слой белой грязноватой пенки. Virtuозными дви-
жениями и синим тюрбаном на голове он напомнил ей фо-
кусника бродячего цирка из старого американского филь-
ма «Что-то страшное грядет». Она вздохнула. Сейчас нельзя
расслабляться, думать о странах, где хотелось бы побывать.
В начале лета она впервые в жизни покинула всегда беспок-
ойный родной горный Йемен (еле-еле выбралась) и плани-
ровала временно осесть в Европе, чтобы получить нормаль-
ный паспорт, потом путешествовать, повидать белый свет.
Наконец-то побывать на футбольном стадионе в Португа-
лии, о котором постоянно вспоминал отец, благородный йе-
менский шейх (мир его праху!). И еще обязательно научиться
плавать, глядя из прохладной чистой воды на сканди-
навские фьорды... Но по пути в Европу прилетела на неде-
лю в Мали, на родину давно умершей матери, и застряла сре-
ди взбунтовавшихся кочевников-туарегов на полгода...

– Пенка в чае – для красоты! Мы, туареги, любим, чтоб

было красиво! – сказал Орел слишком громко. Нелепую для зимней Сахары фразу он явно скопировал у старших.

– Наверное, я скоро умру от сахарного диабета. – Одним глотком она допила невыносимо сладкий чай.

– А просто жизнь должна быть сладкой, – важно сказал птенчик.

– Забавно это слышать, сидя посреди верблюжьего дерьма.

– А ты не задавайся! – крикнул он фальцетом. – Мне говорили, твой отец – араб из Саудии. Но у нас, у туарегов, родство передается по матери. Значит, ты – туарег, причем знатного рода! И твоя настоящая родина – наша пустыня!

Прокричавшись, он опустил завесу из синей ткани до подбородка, чтобы самому насладиться напитком. По привычке сравнивать людей с героями фильмов она решила, что птенчик похож на киноактера Нортонa, игравшего психа в «Бойцовском клубе», только глаза у него не синие, а желтые, аккуратно обведенные черным углем.

Орел допил чай и принялся распечатывать коробки с сухими пайками французской армии: пакеты с супом-пюре, мясное ассорти с утиным конфи, свинина по-креольски, паштет из оленины *Le pâté de la venaison de cerf*, пакетики с майонезом, мюсли, карамель *Dupont d'Isigny*, одноразовые ложки, салфетки. Жестяную банку со свинойной он брезгливо взял двумя пальцами и бросил в сторону, как мусор. Туда же последовал шоколадный крем-десерт.

– Э-э, полегче! – она даже чуть повысила голос. – Пу-динг-то чем тебе не угодил?!

– На упаковке написано, – со значением сказал птенчик и даже поднял вверх указательный палец, – что среди ингредиентов есть ликер, то есть алкоголь! Харам для мусульман! Строго запрещено!

Она взяла сухой крекер и намазала оленьим паштетом.

– Ты знаешь французский?

– Только упаковки могу прочитать. – Он с наслаждением перекачивал во рту разогретое мясное ассорти с утиным конфи. – Скажи, пожалуйста, Медина, а где сейчас твоя ма-ма-туарег?

Птенчик пытался ею манипулировать. Слишком мягко, доброжелательно спросил о матери. Однако надо же как-то налаживать «боевое сотрудничество».

– Моей мамы давно нет.

– Как ее звали?

– Таназар.

– Как она умерла?

– Змеи покусали.

Маленькая девочка стоит в коридоре за кухней. Ей всего пять лет, и ее зовут совсем не Медина. Ядовитые змеи – песчаные эфы – извиваются и трещат на каменном полу кухни их большого особняка у Соляного рынка. Так трещит на сковородке раскаленное масло... Мама страшно кричит, шарит вокруг себя руками, словно слепая, находит в углу

кухни винтовку. Оглушительный грохот. Оружие стреляет несколько раз. Из глаз мамы бегут слезы странного красного цвета. Из ее носа, из ушей сочится такая же красная жидкость...

– А почему твоя мама уехала из Африки? Как она оказалась среди арабов в Саудии?

– Для меня самой загадка.

– А змея почему напала?

– Один тип принес в наш дом заднюю часть горного козла ибекса, а в мешке были змеи.

– И где сейчас тот тип?

– Его убили прошлой весной.

– Ты убила?

Она промолчала, принялась за суп-пюре из консервной банки. Не дождавшись ответа, птенчик домыслил самостоятельно и снова одобрительно закивал синим тюрбаном.

– Ты будешь сильной и авторитетной женой! – теперь он говорил почти солидным баритоном. – Нашу с тобой семью будут очень уважать! Если в доме все хорошо, значит, мама хорошая. Не отец, а именно мама хорошая. Если с воспитанием не очень, значит, и мама – *не очень*. До прихода ислама у нас был матриархат. И традиции мы сохранили. Наши женщины могут выходить замуж несколько раз. И это нормально. Если случается развод, муж оставляет имущество жене. Очень некрасиво, если не оставит...

Птенчик повторял то, о чем еще летом талдычила ново-

приобретенная родственница, старшая сестра матери тетушка Лемтуна. Но как же они надоели с бесконечной говорильней об уникальных туарегских традициях, невысказанных для ее родного арабского мира. У туарегов все шиворот-навыворот. Например, раньше тридцати замуж выходить не принято. Девушка обязана накопить жизненный опыт, чтобы к тридцати годам получить право *самой* выбрать себе подходящего мужа. Замужняя женщина руководит хозяйством и принимает стратегические решения о переезде на новую стоянку на основе информации, полученной от мужчины-разведчика. На вечеринке жена может при муже запросто подойти к другому мужчине и сесть ему на колени или обнять... Большого себе, конечно, не позволяет, за большее убивают... Если муж вдруг погибнет, женщина без особых проблем найдет себе нового супруга. Мужчина у кочевников – расходный материал, а женщина – драйвер жизни...

– Давай обговорим план завтрашней работы, – предложила она. – Ты разговаривал со связником.

– Да, он еле дозвонился на мой спутник. Сказал, что французы наняли себе в телохранители догонов. И это просто умора.

– Почему умора?

– Догоны – хорошие охотники, но война – не их профиль. Догоны дожили до наших дней только потому, что их скалы в местности Бандиагара никому не нужны.

– Догоны – мусульмане?

– Нет, Медина, они – хранители анимистских культов. Их божества – полулюди-полузмеи.

Она глянула на Орла. Да, этот тип, похожий на того психа из голливудского фильма, совсем не простак.

– Если догоны – хорошие охотники, значит, могут оказаться профи и в военном деле.

– Не могут, Медина! У них традиция – ни с кем не ссориться. Ты бы видела догонские деревни севернее Мопти! Там даже дома специально с такими низкими потолками, чтобы мужчины не могли выпрямиться во весь рост...

– Хорошо, но предположим...

– Поверь, с догонами проблем у нас не будет. – Он помолчал и нехотя добавил: – Правда, выяснилось, калашниковы у них имеются. Два автомата и какой-то ручной пулемет.

– А вот это плохо.

– Почему плохо? Мне говорили, ты настоящий воин, как наша царица Тин-Хинан.

– У водителей оружие есть? Пистолеты?

– Нет.

– Так у них нет оружия? Или твой связник не знает?

– Честно говоря, про водителей я не спрашивал... – Он пожал плечами и вдруг шумно, как верблюд, вдохнул носом: – Медина, а что у тебя за духи? Какой парфюм?

– Я умывалась с мылом. И тебе советую.

– Знаешь, я весь день рассматриваю тебя. Ты как модель из журнала.

– Осторожнее, Орел. – Бирюзовые глаза девицы приняли цвет штормовой зелени.

– Повторяю для всех рогатых гадюк и шакалов! – вдруг взвизгнул птенчик. – Ты красива, как царица Тин-Хинан, прародительница всех туарегов!

– Мы с тобой на задании, Орел.

– Я бы очень хотел увидеть твою грудь, Медина... – Орел облизнул тонкие губы. – Без куртки и футболки. Какой у тебя размер, первый или второй?

– Орел, ты слышал хоть что-нибудь о дисциплинарной ответственности у военных?

– Под штанами карго не особо видно, Медина. Но, похоже, и задница у тебя что надо...

– Тебе следует нарастить мышечную массу, – не повышая голоса, она попыталась направить разговор в нужное деловое русло. – Сможешь сорок раз на руках отжаться?

– Медина, у нас считается нормальным, если девушка до замужества спит с мужчинами, которые ей по вкусу...

– Орел, давай обсудим наши отношения после операции. А пока ты будешь помалкивать, согласен?

– Задница у тебя небольшая и крепкая. Обычно у арабов огромные задницы, но ты ведь полукровка, поэтому...

– Посмотри-ка, французский истребитель «Мираж»... – Она перебила и показала поверх его головы: – Заходит прямо на нас... – Одновременно зачерпнула горсть прохладного песка и движением бас-кетболистки закинула его в поднятые

к небу желтые глаза, обведенные черным углем. Птенчик охнул, вцепился руками в лицо и попытался встать. Девушка схватила банку со свининой по-креольски и ударила ребром плоской жестянки в шею, чуть ниже уха. В горле парня заклокотало, и он свалился набок.

В куполообразной бедуинской палатке послышался кашель и сопение. Из шатра на четвереньках вылез седой коротко стриженный человек:

– *Bonsoir*, мадемуазель Медина. Ты его не убила?

– *Bonsoir*, дядюшка Орион. Нет, не убила.

– Это хорошо. Хвала Аллаху! Его бабушка бы очень расстроилась.

Старик медленно поднялся на ноги, расправил накидку из тонкого красного войлока с капюшоном и потер суковатыми пальцами крупный сломанный нос. Лицо у него было большое и морщинистое, как у Жана Габена из гангстерского фильма «Не тронь добычу».

– Я ударила по задней ушной артерии, – сказала девушка. – Может, задела блуждающий нерв. Он просто без сознания.

– Слышал, как еще раньше ты огрела этого олуха камнем. Хотел предотвратить дальнейшую ссору, но уснул. Это старость, увы.

Старик принялся наматывать на голову тагельмуст, превращая в тюрбан многометровый кусок ткани из синего хлопка.

– Почему вы взяли его на операцию? – спросила она. – Он же совсем не умеет работать в команде.

– Твоя правда, мальчик немного избалован. В детстве мама затоптала насмерть на верблюде его брата-близнеца...

– А потом из чувства вины окружила ребенка таким вниманием, – продолжила за него девушка, – что превратила в конченого эгоиста.

– Я не понимаю, о чем ты сейчас говоришь, мадемуазель Медина. Мама научила его читать книжки, а это против наших правил. Специально заказывала по почте писанину разных бумагомарак из Франции, думая, что малыш умнее станет...

– Разве плохо уметь читать?

– Бедуину не надо быть умным, мадемуазель Медина. Он должен быть собранным двадцать четыре часа в сутки. И разбираться в приметах природы, в повадках животных и поведении людей.

– Чтобы эффективно грабить караваны...

– Вообще-то раньше мы их не грабили, а, скорее, охраняли. А карательные набеги совершали только на тех, кто пытался пройти, не уплатив дани.

– Зачем нам этот парень? Он эмоционально нестабилен.

– Что?

– Он псих.

– Но сейчас-то мы не можем его заменить...

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Какой?

– Почему он здесь?

– У него, как и у меня, нет традиционных татуировок на лице, а это большая редкость для наших мужчин. В предстоящем деле мы должны выглядеть как обычные бандиты, случайно заскочившие из Алжира.

– Нельзя допускать нестабильных людей даже на простые операции...

– Мадемуазель Медина, у нас нет регулярной армии, как в твоей Саудии.

Дома, на другом континенте, ей нередко указывали на нечистую арабскую кровь, а здесь намекают, что она неполноценный туарег.

– У нас нет главного, дядюшка Орион, – дисциплины. И это никуда не годится.

– Ну что ж... ведь мы партизаны. Воюем мелкими группами, как Аллах подскажет... Вот прогоним французов, добьемся независимости государства Азавад, и ты возьмешься за организацию нашей армии, как царица Тин-Хинан.

– Про независимость я уже что-то сомневаюсь.

Зря сказала. Пожилой повстанец внимательно разглядывал смуглую девушку с глазами цвета зеленого питона, слишком уж необычную для унылой зимней пустыни.

– Орел – хороший боец, сильный, – наконец сказал старик.

Она покачала головой:

– Солдат должен понимать, что такое дисциплина.

– Он отчаянный, – продолжил старик спокойным голосом.

– Вот поэтому мы и проигрываем. Туареги воюют с французами, словно перед ними очередной караван, который надо ограбить...

Лежавший на песке птенчик зашевелился, встал на четвереньки, откашлялся и принялся стряхивать с лица песок и тереть кулаками глаза.

– Я вовсе не псих, – тихо произнес он. – Псих тот, кто решился дважды меня ударить.

– Орел, тебе пора взять себя в руки, – заметила она.

– Стань туарегу другом, чтобы не стать его товаром. – Он поднялся на ноги, поправил тюрбан на голове и прикрыл синей вуалью рот и нос. – Небось не слыхала такую поговорку? – и ушел в палатку.

Начало «боевого сотрудничества» получилось скомканным.

2

Задание

В пустыне ее удерживало важное семейное дело. В Тим-букту, древний городишко на окраине Сахары, она прилетела прямо с Аравийского полуострова. В невыносимо жаркой местности Араван, где температура летом достигала пятидесяти пяти градусов по Цельсию, ей удалось разыскать родственников по материнской линии. Напрочь лишенная деликатности толстая-претолстая тетка Лемтуна рассказывала: «Твоя мамаша Таназар имела слишком смазливую внешность... извини, конечно, дорогуша... Да и чересчур буйный характер. Только и думала, что о дикой охоте да о бешеных скачках на верблюдах. У нее был леопард. Она нашла раненого зверя в пустыне и вылечила. Он ходил за ней по пятам, как охотничья собака. И пугал всех страшно! Однажды Таназар узнала, что Каддафи в Ливии набирает девушек-бойцов в Панафриканский легион, и пропала навсегда. Больше мы ее не видели, дорогуша».

Через знакомого туарега, также служившего у лидера ливийской революции, семья узнала, что сначала Таназар училась управлять противоракетным зенитным комплексом, а потом «какой-то очень большой ливийский начальник явно не просто так» перевел девушку в сверхсекретное подразделение в столицу. Воспоминания тетки Лемтуны были пере-

полнены завистью и многозначительными подмигиваниями. «Такое смазливое личико и стройную фигурку не могли не заметить на самом вершине Ливийской Джамахирии».

После стычки с Орлом на Бенфику накатила волна дурных предчувствий. Чтобы отвлечься, она вымела песок из багажника и перетащила в шатер – не обращая внимания на обиженного юношу – сумки с калашниковыми, ручными гранатомами и боезапасом. Покончив с обустройством лагеря, вернулась в машину и достала из-под сиденья спутниковый телефон. После паузы услышала знакомый баритон бывшего шефа в Отделе йеменской госбезопасности с позывным «Стайер».

– Ассаламу алейкум, господин майор. Как ваши дела?

– Ва алейкум ассалам! Мы благодарим Всевышнего за все, не только за хорошее! Ты где сейчас?

– Во Фредериксхавне.

– Во Фрихаф... равне... О Аллах! Где это?

– Коммуна в Ютландии.

– Это на севере Европы?

– Да, в Дании.

– Хвала Аллаху! Должно быть, спокойное место.

– Очень спокойное.

– Осенью ты звонила мне из Франции, а в конце лета – из Лондона.

– Так точно.

– И как там в твоём Фрихаф...

– Скаген, сам городок называется Скаген...

– Хвала Аллаху. Так проще произнести. И как тебе город Скаген?

– Он находится на мысе у проливов Скагеррак и Каттегат.

– Пожалуйста, не пугай меня датскими названиями.

– Сейчас я стою на скалистом мысе между Северным и Балтийским морями.

– Хвала Аллаху! Так понятнее. И что за люди там живут?

– Температура ноль градусов. Дует ветер с мокрым снегом. Но местные гуляют в шортах, легких свитерах и непромокаемых ветровках. И все в летних кедах.

– Ты шутишь?

– На завтрак они едят бутерброды с морской рыбой, вымоченной в соли, и запивают холодным пивом.

– Прибегаю к помощи Всевышнего Аллаха от проклятого шайтана!

– И еще тут нет арабов...

– А ты?

– Если не считать меня.

– И что ты там делаешь? Прости за любопытство.

– Сегодня купила красивую фаянсовую тарелку с эмблемой зимней Олимпиады в Лиллехаммере девяносто четвертого года. По выходным в Скагене прекрасный блошинный рынок.

– Какой рынок?

– Место, где местные жители продают ненужные вещи.

– Тогда наш с тобой Йемен – сплошной блошинный рынок.

– Господин майор, а как ваши дела?

– Саудовская Аравия бомбит время от времени. На днях бомба упала близ Соляного рынка и мечети Аль-Джами-аль-Кабир. Погибло несколько прохожих...

– Там мой бывший дом.

– Я знаю. Твой особняк цел и невредим. Хвала Аллаху!

– Господин майор, хочу с вами посоветоваться как с шефом Отдела специальных расследований.

– Бывшим шефом. Такой службы в стране больше нет. Прибегаю к помощи Всевышнего Аллаха от проклятого шайтана! Я тебя слушаю.

– Вы бы стали грабить гражданских людей ради благого дела?

– Нет.

– Вот так сразу ответили?

– Да.

– И не спросите, для какого дела?

– А я совсем не удивлен. В прошлый раз ты звонила из Лондона и сначала поведала мне об удачной покупке твидового пальто в районе Оксфорд-стрит, а потом попросила рассказать о способах обезвреживания противопехотной мины-«чернильницы».

– Тут в Европе теракт за терактом. Надо быть готовой ко всему.

– А в Париже ты приобретала дизайнерский костюм в уни-

вермаге «Галери Лафайет». А у меня уточняла, какие боеприпасы к пулемету «Утес» более эффективны в борьбе с низколетящими воздушными целями – патроны МДЗ или БС.

– Я решала кроссворд в ресторане *Kaspia*, пока ждала карпаччо из лосося.

– Ты по-прежнему работаешь в организации по защите прав мигрантов?

– Да, и недавно стала координатором по странам Северной Европы.

– Поздравляю. Хвала Аллаху! Но ты же сказала, в этом твоём Скагене нет арабов.

– Здесь полно африканцев. Беспокойный народ. И время от времени у них возникают странные вопросы.

– Береги себя.

– Мне пора идти, господин майор.

– Постой... Кажется, ты хотела продолжить расследование обстоятельств убийства твоей матери...

– Да... И я наводила справки в транзитных центрах мигрантов в немецкой Баварии. И здесь в общинах беженцев.

– И что удалось выяснить?

– Моя мама работала в Ливии и имела отношение к Муаммару Каддафи.

– О Аллах!

– Говорят, в Триполи ее ранили, но она сумела скрыться.

– Чем же она занималась у Каддафи?

– Не знаю, но я работаю над этим. Мне пора, господин майор.

Она выключила спутник, засунула под сиденье, где лежала тактическая кобура с пятнадцатизарядным «глоком», положила руки на руль и вздохнула. В свои двадцать пять она не знала ни одного мужчины, а ко-гда приходили в голову постыдные мысли, мучилась потом страшно. Если бы сейчас речь зашла о возможности серьезных отношений с кем-нибудь, первым и единст-венным в списке оказался бы ничего не подозревающий Стайер.

Господин майор помог ей бежать из Йемена, посадив на частный реактивный самолет, вылетающий в Европу. Вместо Германии она оказалась на окраине пустыни Сахара. Позднее, уже в середине лета набрала спутниковый номер Стайера и неожиданно для самой себя вдруг соврала, что находится в магазине в центре Парижа. Он за нее обрадовался. По-настоящему обрадовался. Тогда, в начале крутого подъема, ей надо было остановиться, но она упрямо на пониженной передаче двигалась на эту гору вранья, и теперь затормозить было непросто... Свободно болтать о Скандинавии позволяли знания, почерпнутые в детстве из щедро иллюстрированной книги «Хюгге – подоплека датского счастья» Биллема Приора. Эта пухлая книженция о спонтанном потоке скандинавского уюта лежала на ее письменном столе рядом с «Законами войны почтенного учителя и генерала Ли Му». В последние месяцы ей часто снились одни и те же фантазии

о будущей жизни в Скандинавии. Она сделает у датчан карьеру, но потом обязательно вернется на родину, в горный Йемен.

Прямо сейчас возвращение невозможно и очень опасно... Наемник Гленн, инструктор по боевой подготовке в академии, нередко повторял курсантам: «Лучшее лекарство от депрессии – подцепить красивую телку в баре, но поскольку вы сами девушки, да еще и мусульманки, то извините, пожалуйста, – пятьдесят отжиманий от пола на кулаках. Упор лежа принять!»

Она отошла подальше от лагеря, сняла куртку, легла на чуть теплый песок и медленно поднялась на кулаках.

– Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать...

Со стороны бивуака послышался шорох шагов. Ей пришлось подняться. Отряхнула песок с рук и коленей.

– Ты беспокоишь меня гораздо больше, чем этот наш непоседливый паренек, мадемуазель Медина, – сказал дядюшка Орион. – Так что тебя не устраивает?

– Позавчера в штабе командующий выставил меня за дверь. И мне до сих пор неизвестны детали операции.

– У командующего просто нервы пошаливают.

– Они у него не пошаливают, когда он поручает мне кое-какие дела.

– Мадемуазель Медина, наши с ним отцы боролись за независимость туарегов еще в шестидесятые; мы сами участвовали в туарегском восстании девяностого года. Я неплохо

знаю его... В общем, можешь спрашивать, отвечу на любые вопросы.

– Французские репортеры прилетели в Тимбукту на транспортном самолете. Они и обратно могли бы улететь с военными. Быстро и безопасно. Почему собрались ехать на машинах?

– Да они и планировали обратно с вояками лететь, но связник вдруг сообщил, что журналисты надумали двинуться до столицы Бамако на внедорожниках.

– Зачем? Это же двое суток по пустыне и горам.

– Нам неизвестно. С их стороны – глупость, на самом деле.

– А если их будет сопровождать французский спецназ?

– Придется отправлять целую колонну в зону племен. Никто не станет потакать сумасбродству журналистов.

– Предположим... Еще Орел мне сказал, догоны вооружены автоматами.

– И что?

– Если догоны начнут стрелять, придется их ликвидировать.

– Тебя это пугает?

– Одно дело – воевать с французскими интервентами, которых сюда никто не звал... Но расстрел международной прессы – совсем другое. Это уже военное преступление.

– Я прибегаю к Аллаху за помощью против шайтана во имя Бога Милостивого и Милосердного! – забормотал старик. – Никто с журналистами воевать не собирается... Их

догоны сами отдадут свои автоматы. И еще спросят, не сварить ли нам сладкий чай с пенкой.

– Сомневаюсь, но предположим...

– Мы только заберем съёмочную аппаратуру. И отправим журналистов в столицу целыми и невредимыми. До самого Севаре их будут сопровождать наши люди.

– И всё?

– Нет, мадемуазель Медина, не всё... Мы притворимся съёмочной группой из Алжира. Поедем на интервью к командующему французским гарнизоном адмиралу Эдуару Гайво. Ты – репортер, Орел – телеоператор, а я – ваш водитель и охранник.

Глаза девицы потемнели до цвета драконьей зелени.

– Вчера, выйдя от командующего, вы меня заверили, что дело пустяковое. Просто телеаппаратура нужна для создания пресс-центра...

– Извини, мы подумали, ты можешь отказаться, если узнаешь о... Послушай, командующий тебя ценит как военного специалиста, но...

– Что «но»?

– ...но сомневается, что ты пойдешь в борьбе за свободу нашего народа до самого конца, и поэтому мы не рассказали правду...

– Но сейчас-то рассказали.

– Командующий сказал, если ты окажешься на ринге, то не сможешь уйти.

– Что за глупый пафос... – ответила она с раздражением. С минуту или больше она молчала.

– Так вот почему вы решили позвать на помощь бандита Хомахи...

– Да, операция предстоит жесткая, поэтому к нам приедет сам Омар Хомахи. Дальше это будет совместная операция повстанцев и его моджахедов.

– Вы собираетесь ликвидировать французского адмирала?

– Нет.

– Значит, хотите взять в заложники?

– Нет, – старик отвел выцветшие голубые глаза в сторону.

– Дядюшка Орион, минус сто от кармы.

– Ты о чем?

– Взяв командующего французскими войсками в заложники, мы укрепим мировое мнение, что туареги – *very bad guys*.

– Что?

– Согласно Женевской конвенции, захват заложников – военное преступление.

– Мадемуазель Медина, что-то у меня в горле пересохло. – Пожилой бедуин смотрел на нее не мигая. – Давай вернемся к костру и попьем чаю с вкусной пенкой, и я тебе расскажу, зачем нам встреча с адмиралом... Кстати, уверен, ему плевать на твою Женевскую конвенцию.

Старик быстро разжег новый костер. Она собрала мусор и

остатки пищи после ужина, чтобы сжечь и закопать в песок.

– Дядюшка Орион, почему я прежде не видела ни вас, ни Орла?

Старик молчал и ворошил палкой костерок.

– Вы меня слышали?

– Да ты и не могла нас видеть. Еще недавно мы с Орлом сидели в Центральной тюрьме в столице Бамако.

Она чуть было не открыла рот от изумления. Ей, офицеру йеменской госбезопасности, пускай и бывшему, предлагалось похитить французского адмирала в банде с африканскими уголовниками. После такой операции (если останется жива и на свободе) она уже не сможет побывать на домашнем матче «Бенфики» в Португалии. И никогда не научится плавать, глядя на скандинавские фьорды. Отныне ее уделом будут колючки вокруг и одnogорбые верблюды. И приговор к туарегскому чаю со сладкой пенкой – пожизненный.

– Наказание отбывали по тяжким статьям? – наконец спросила она.

– Да как сказать. – Во время долгой паузы старик пристально рассматривал ее лицо. – Я сидел по обвинению в терроризме... похищение людей и прочее. Часть срока отбыл в одной камере с бывшим премьер-министром Жаном Камбандой. Его посадили за геноцид девяносто четвертого года в Руанде. Но он хороший мужик оказался на самом деле.

– Дайте угадаю... Вас зовут Мохаммед Али Вадоусене?

– Это мое мусульманское имя, но по рождению меня зовут

Орион.

– Я слышала о побеге по радио, когда ночевала у родственников. А за что сидел он? – она показала рукой на палатку.

– Мадемуазель Медина, вообще-то в тюрьмах не принято спрашивать, за что сидел...

– Мы пока еще не в тюрьме, дядюшка Орион.

– Он зарубил свою маму мечом, доставшимся по наследству от отца.

– Я прибегаю к Аллаху за помощью против шайтана во имя Бога Милостивого и Милосердного! – произнесла изумленная девушка. – По радио сказали, вы застрелили четырех охранников Центральной тюрьмы...

– Да, мы их застрелили! – Старик ткнул указательным пальцем в небо: – Аллах велик! Мне этих людей совсем не жалко. Первые годы я находился в одной камере с марокканскими уголовниками из Касабланки. Их было девятнадцать человек. Они отбывали срок за серийные убийства, изнасилования и бандитизм... И я, сидевший по террористическим статьям, для них был чужаком. Тюремная солидарность на меня не распространялась. Как я выжил в нечеловеческих условиях – сам не знаю. Повезло. Тюремщики видели, как надо мной издевались эти арабы. Но их это развлекало и даже веселило... На восемнадцатый год заключения... я тогда уже сидел в одной камере с бывшим премьером Руанды Жаном Камбандой... Во время прогулки в тюремном дворе я нашел кусок газеты и спрятал его, чтобы потом почитать...

О Аллах! Впервые за долгие годы появилась возможность просто почитать газету! При обыске камеры тюремщики нашли этот листок и в наказание связали веревками мои руки и ноги. И не развязывали ровно три дня. Мадемуазель Медина, тебе когда-нибудь приходилось лежать в связанном состоянии долгое время?

– Однажды, но всего несколько часов.

– Значит, ты чуть-чуть меня понимаешь.

– Да.

– Тюремщики делали ставки, долго ли я протяну. В итоге старший тюремной смены выиграл крупную сумму. Меня развязали, и я еле пришел в себя. На следующее утро меня выпустили на прогулку в тюремный двор. Начальник смены подошел ко мне, чтобы покровительственно потрепать по щеке. – Тут дядюшка Орион заскрипел зубами. – Не знаю, откуда силы взялись. Хвала Аллаху! Я кинулся на него, и мне удалось завладеть револьвером. Я всадил пулю в голову тюремщика с огромным наслаждением. Жалею, что там не оказалось тех марокканских уголовников... Орел, случайно находившийся рядом, не растерялся, бросился на другого охранника и забрал автомат. Мы все время стреляли как бешеные, не давая охране опомниться... Нам удалось пробиться через проходную на улицу. В толпе мы сели в такси и уехали...

– И как расплатились с таксистом? – Она слушала старика с нескрываемым интересом.

– Отдал револьвер мертвого тюремщика.

– Наверняка ваш спаситель сейчас сидит в тюрьме как соучастник. А оружие фигурирует в деле как главный вещдок...

– На все воля Аллаха! – Старик опять принялся вглядываться в ее лицо: – А ведь тебе, Медина, все это очень нравится.

– Что нравится?

– Неприятности тебе нравятся. Вся эта суета.

Она промолчала. Надвинула козырек серой бейсболки на глаза.

– Говорят, ты окончила военный институт у арабов? – спросил старик.

– Да.

– В скольких операциях туарегов ты участвовала? – спросил он, насыпая в чайник в равных пропорциях заварку и сахар.

– В последние месяцы мы в основном разбирались с группировками, которые выдают себя за знатоков Корана.

– Подожди, меня интересуют операции против оккупантов. Сколько было успешных...

– Всего одна. Я сбила французский вертолет *Gazelle*.

– Значит, это ты его сбила?

– Да.

– И как ты это сделала?

– Из крупнокалиберного пулемета «Утес», установленно-

го на пикапе.

– А еще?

– Говорю же, ни одной. В паре бессмысленных атак мы потеряли десятки человек – убитыми и ранеными. У французов потерь не было. По крайней мере, об этом ничего не известно.

– Скажи, в чем причина наших неудач?

– Мы атаковали колонны натовской армии на верблюдах и глохнувших внедорожниках в пустыне, на открытом пространстве... Глупость и отсутствие планирования.

– А ты бы как действовала?

– Я бы вообще не стала воевать.

– Почему?

– Сначала должны появиться офицеры, знакомые со штабными картами. И разведка. Я спросила у Орла, есть ли оружие у водителей, которые повезут репортеров, а он не знает.

– А еще что?

– Отсутствие саперов-подрывников. Есть самоучки, но с ними страшно находиться рядом, даже когда они берут в руки обычную гранату. Послушайте, дядюшка Орион, туареги проиграли эту войну еще до начала активных действий...

– Как так?

– У вас нет лоббистов ни в Европе, ни в соседних африканских странах. Французские власти называют вас террористами, и весь мир этому верит.

Она достала из кармана куртки сложенный в несколько раз лист бумаги.

– Два года назад туареги объявили город Тимбукту столицей независимого государства Азавад, что исторически справедливо... Я нашла листовку, которую тогда напечатали, в углу багажника машины. Хорошо, не подтерлись...

Она развернула пожелтевший лист бумаги и прочитала вслух:

«В связи с полным освобождением территорий, а также учитывая требования международного сообщества, Национальное движение освобождения государства Азавад (НДО-ГА) решило в одностороннем порядке объявить о прекращении военных операций. Мы торжественно провозглашаем независимость туарегского государства Азавад. Мы не ставим своей целью выходить за его границы. Мы не хотим создавать проблемы правительству Республики Мали, и мы не хотели бы, чтобы возникло впечатление, что мы – какая-то воинственная банда, так что с этого момента, когда мы освободили наши территории, цель достигнута, и мы на этом останавливаемся».

Она убрала бумагу в карман.

– Очень здравое заявление. И совсем не экстремистское.

– И зачем ты мне это прочитала? – спросил старик.

– А для кого это сочиняли? Для ящериц в пустыне? Никто в мире про этот документ не слышал. Из каждого утюга французы кричали: туареги вот-вот дойдут до столицы Ба-

мако, вот-вот захватят всю страну...

– Seriously, что ли? – в голосе пожилого бедуина прозвучала растерянность.

– О Аллах, упаси нас от проклятого шайтана! – напористо продолжила она. – Какие же вы дремучие! Французы заявляли, что вы собираетесь сжечь древнюю библиотеку со старинными манускриптами в Тимбукту. Разрушаете древнейшие мечети с мавзолеями. И они принялись бомбить вас. Хотя и не получали одобрения ни в ООН, ни у своего ничемного парламента. При этом все в мире сказали: ах какие эти французы молодцы, спасают мировые культурные ценности...

– Но за нами правда, мадемуазель Медина.

– Ну и что. Побеждает тот, кому поверили.

– Я понял твою мысль. – Старик вздохнул. – Нужна длительная подготовка и большие деньги, а у нас их нет. Так?

– Так.

– Мадемуазель Медина, мы найдем средства с помощью адмирала Эдуара Гайво! – торжественно заявил старик.

– И каким образом?

– Мы спрячем адмирала и потребуем вывода войск! – крикнул старик, ранее говоривший спокойно. – Франция первой признает независимость туарегского государства Азавад!

– «Тупой и еще тупее»... – сказала она.

– Что? – растерялся старик. – Как это...

Ухватившись за сломанный нос, он принялся его тереть, словно разогревая перед боксерским поединком.

– Это название голливудского фильма, дядюшка Орион. Один недалекий паренек решил, что девушка согласилась прийти к нему на свидание. На радостях он открыл шампанское и пробкой убил сову редкой белой породы.

– Ты хочешь оскорбить меня, мадемуазель Медина?

– Эдуар Гайво еще недавно занимал пост начальника Генштаба Вооруженных сил Франции – одной из стран ядерного клуба. Его похищение...

Она не успела закончить мысль. В шатре из шкур муфлона раздался звонок спутникового телефона. Вскоре из палатки высунулась голова Орла.

– К нам едет Хомахи... – в голосе юноши звучала радость. – Слышите? Теперь уже точно. Сам Омар Хомахи берется с нами за это дело.

– Тот самый Хомахи? – переспросила она у дядюшки Ориона. – Точно он?

– Да, – торжественно подтвердил старик, – командир стражников «Аль-Мирабитуна». Ему подчиняются все джихадисты от Алжира до Чада...

3

ПСЫ ВОЙНЫ

Лицо французского репортера Анри словно кто-то вырезал из тончайшей белой бумаги для черчения. Над листом этот кто-то махнул небрежно мокрой кистью с оранжевой краской. Раз – и вот вспыхнули щедрые веснушки на тонком носу с горбинкой, два – и появилась копна медно-рыжих волос. Этому худощавому пареньку и в двадцать, и в сорок можно было запросто крикнуть: «Эй, ты!» Лишь бы потом не схлопотать. Его принимали за своего даже в пабах ирландского Ольстера. Одевался Анри повсюду одинаково – в афганских горах у талибов, на разрушенных улицах иракской Кербелы и в родном парижском округе между Китайским кварталом и Национальной библиотекой: голубая рубашка, зеленая куртка военного образца, штаны карго, желто-песочные ботинки. В холодную погоду он доставал из шкафа или походной сумки арабскую куфию из плотного хлопка и свитер.

– *Bordel de merde!*¹ – Анри с яростью дернул себя за медную челку. – Это самая тухлая война, которую я видел в своей жизни!

– Начальник, ты умудрился поругаться с самим адмира-

---

¹ Сраный бардак! (фр. разг.) – Здесь и далее примеч. автора.

лом Эдуаром Гайво, – сказал телеоператор Бакст. – Что тебе еще надо от этой войны?

Смуглый бородатый Бакст был уроженцем неторопливого корсиканского города Бонифачо. Сейчас ему хотелось избавиться от тяжелой профессиональной телекамеры, усесться за стол в кафе безымянного отеля у пожарной части и спокойно теревить золотое кольцо в правом ухе, глядя, как высоченный черный Оскар, повар и по совместительству консьерж, колдует над прокопченным чаном с молодой козлятиной. Уже битых пятнадцать минут они торчали у глинобитного забора в трех шагах от древней мечети Джингеребер, но шеф все никак не мог придумать несколько ярких фраз, чтобы произнести их, глядя прямо в объектив.

– Мы поругались, поскольку адмирал Гайво думает об этой войне так же, да только признаться не может. – Анри потянул за уголок арафатки, намотанной на жилистую шею, сделал пару резких приседаний, но нужная мысль никак не приходила в голову. – Потому и злится... *Putain de bordel de merde!*²

– Начальник, мы будем записывать стендап или нет? – Бакст двинул сильно потяжелевшей к вечеру телекамерой, лежащей на могучем плече. – Как раз сейчас гребаное солнце дает ровный свет на твою небритую рожу.

– Ничего в голову не приходит! *Bordel de merde!*

– Ну так разбуди Нильса. Пускай он придумает тебе

---

² Пиздец-блядь-нахуй! (фр. разг.)

текст...

Третий член съемочной группы – щуплый белоголовый звукооператор Нильс – еще утром начал закидываться таблетками на кодеиновой основе, а к вечеру выяснилось, что он запивал их sake, «позаимствованным» у японских блогеров, соседей по безымянной гостинице. Маленький Нильс давно расклеился и спал в джипе.

– Он будет канючить, чтобы мы отдали ему бутылку.

– Начальник, солнце уходит. Богом клянусь, еще минут десять, и стемнеет. Тогда накроется твой стендап.

– Ну хорошо, поехали...

Репортер пошел вдоль глинобитной, в трещинах ограды и заговорил серьезным и даже чуть взволнованным голосом, глядя в телекамеру:

– ...Под натиском французской армии джихадисты не отступили, они просто разошлись по домам.

Заключительные слова стендапа он должен был произнести на фоне боевой машины пехоты, стоявшей в проулке. На «броню» сидели два парашютиста в касках. Они держали пальцы на спусковых крючках автоматов *FAMAS Commando* и тревожно оглядывались по сторонам. «Тревожно оглядываться» их попросил Нильс, прежде чем отключиться в автомобиле, нагретом скупым зимним солнцем. Было сделано два неудачных дубля: в одном Анри споткнулся на словах «к повстанцам попадешь и совсем пропадешь», в другом варианте все было хорошо, но подвели парашютисты – кто-то из

них вдруг приветственно помахал рукой, когда увидел, что телекамера направлена в его сторону.

– Ты что творишь? – заорал на него Бакст. – Кому машешь рукой? Маме во Францию привет передаешь?! Тебя по-человечески попросили тревожно озираться, как будто здесь о-пас-но!

– Так здесь на самом деле опасно, – упрямо сказал спецназовец.

– Ладно, отстань от него! – крикнул репортер. – Давай еще дубль! Темнеет! ... Под натиском французского спецназа исламисты не отступили, они просто разошлись по домам... – Анри поставил интонационное «многоточие», замер в кадре и выждал пару секунд. – Снято?

Вместо ответа корсиканец отрицательно покачал головой и грязно выругался. Анри обернулся. Рядом с бронетранспортером стояли блогеры – Шин и Джуно. Японцы непрерывно щелкали фотокамерами «Лейка», а французские солдаты, сидевшие на БМП, показывали азиатам большие пальцы и широко улыбались.

– Вы зачем нам картинку испортили? – спросил репортер. – Вы что, исламисты?

Японцы синхронно развели руками: извините, мол, не заметили, что вы здесь работаете, – а Шин добавил, обращаясь к оператору:

– Бакст, когда в Ираке ты залез в кадр между мной и умирающим бойцом, я так не ругался. А у меня мог выйти гени-

альный снимок...

– Врешь! – сказал корсиканец. – Ты еще не так ругался, а сейчас вы запороли нам картинку специально, потому что Нильс украл у вас бутылку саке в отеле.

И тут древнейший город Западной Африки накрыло непроглядной беззвездной тьмой – возможной предвестницей песчаной бури. На соборной мечети Джингеребер сразу же заголосил муэдзин.

– Ужинать пора, – миролюбиво произнес Джуно, – ну что, пойдем съедим очередного козленка?

– Мне кажется, я сам скоро бляеть начну. – Бакст снял с плеча телекамеру.

– Только не говорите, что вы всё саке из нашей бутылки вылакали, – сказал Шин.

После ужина они занесли «уставшего» Нильса в «штабной» номер Анри и положили на прожженный в нескольких местах ковролин. Растрепанный звукооператор тихонько хихикал своим одиноким амфетаминовым мыслям и закрывал красное лицо руками.

Бакст объявил, что собирается заняться йогой, чтобы сбросить лишний вес. Он медленно встал на колени, опустился мощными ягодицами на пятки и положил большие ладони поверх колен. Шин и Джуно закинули наверх антималярийную сетку, свисающую с потолка, залезли – не спрашивая Анри – на огромную кровать, не снимая белые кеды. И уселись по-турецки. Из-за одинаковых модных очков япон-

цы могли бы сойти за братьев-близнецов, но Джуно осветлял длинные волосы в цвет соломы. Оба были родом из Токио, но уже лет десять жили в Париже и вели для японской аудитории суперпопулярный блог о жизни Пятой республики. Анри – на правах хозяина – занял единственный пластиковый стул и первым выпил из пластикового стакана дефицитный в Сахаре японский напиток. Как это часто бывает в мире военных репортеров, собравшаяся в африканской гостинице четверка (плюс Нильс) никогда не виделась в обычной мирной жизни, но благодаря соцсетям они казались друг другу давнишними приятелями.

– А никто не задавал себе вопрос, что в этой жуткой дыре делает повар Оскар? – сыто произнес Бакст.

– Ты о чем? – уточнил Анри.

– Как о чем? В понедельник Оскар приготовил нам печеное мясо со сливами, миндалем и луковым мармеладом. Позавчера был козленок на вертеле с соусом из корицы, имбиря и мускатного ореха, а вчера – божественный соус пуаврад из жирных сливок, смешанных с консервированной красной смородиной из Швеции... Все очень подозрительно.

– Признаюсь, я тоже об этом думал, – заметил Джуно. – И даже спросил самого Оскара.

– И что?

– Он не особо разговорчив. Но заявил мне, что приехал в Сахару за деньгами.

– Это что... шутка? – Бакст встал на четвереньки, чтобы

дотянуться и забрать бутылку у Анри. – Деньгами здесь считаются жалкие полсотни евро в месяц?

– Бакст, ты не о том думаешь! – Слишком целеустремленного Анри не уgomонил даже прекрасный ужин высокой французской кухни. – У нас пока не снято ни одной боевой картинки, нет ни одного интересного интервью! *Putain de bordel de merde!* У редакции будет впечатление, что мы летали в Мали не на войну, а на концерт какой-нибудь U2.

– Начальник, вокалист Боно играл здесь очень давно, – заметил Бакст. – Еще до восстания туарегов и переворота в Бамако. – Начитанный корсиканец на посадках в самолет всегда спрашивал свежую газету у хороших бортпроводниц, чтобы «не проспать авиакатастрофу и опять снять гениальные кадры».

Он пригубил саке из глиняного стаканчика, украденного в уличной забегаловке, и его смуглое бородатое лицо недовольно исказилось:

– Тьфу... На их концерт в Тимбукту тогда пришло не более трехсот туристов, да еще столько же местных. Говорят, это был самый тупой концерт за всю историю U2.

– Почему ты морщишься, когда пьешь наше саке? – строго спросил его Шин. – Это напиток класса люкс с редким вкусом зрелого сыра и свежих грибов. Не нравится – оставь нам.

– Не оставлю, – отрезал Бакст и залпом допил теплую жидкость. – Я тренирую волю.

– Кстати, а как твоя Хабиба поживает? Ты женился на бед-

ной афганской хазарейке?

– Она уже далеко не бедная. – Бакст помрачнел. – Естественно, женился. Это моя традиция. И я свято ее соблюдаю.

Чернобородый корсиканец походил внешне на мафиози, скрывающегося от вендетты в скалах из белого известняка, но на деле был склонен к сопливым переживаниям. Чуть ли не в каждой горячей точке мира он влюблялся в особу женского пола и с риском для жизни (своей и членов съемочной группы) эвакуировал ее в Париж, чтобы честно жениться. В первой военной командировке – еще в юности – он вытащил из пылающего таджикского Душанбе местную проститутку по имени Женя, раненную осколком мины в грудь. Через год неблагодарная метиска сбежала к хозяину фруктового магазина, зажиточному выходцу из Ирана, показавшемуся более надежным спутником для дальнейшей жизни во французской столице. Бакст мужественно перетерпел удар судьбы и спустя несколько лет вывез из Чечни в Грузию – на лошадах через горные перевалы – русскую девицу Нину, ставшую на той жестокой войне круглой сиротой. Через полгода сероглазой красавице надоели пьяные рассказы Бакста о разных глупых войнах, и она ушла к прагматичному торговцу люксовыми автомобилями. В одной из последующих командировок в заваленных снегом балканских горах он подобрал на дороге полумертвую Тияну, пострадавшую от группы албанских боевиков. Красивая, но мрачная сербская женщина прожила с ним дольше всех – почти три года – и вернулась

в Сербию, увезя без его согласия немую от рождения дочку Женю. И совсем недавно оператор спас в афганском Бамиане узкоглазую тщедушную хазарейку Хабибу, мывшую полы в штабе движения «Талибан».

– Вы заметили, что на второй день при въезде на военную базу у нас перестали спрашивать документы? – Бакст решил переключить внимание собравшихся с неприятной темы убежавших от него жен.

– Зачем нашим парашютистам по десять раз на дню спрашивать у нас пресс-карты? – возразил Анри. – *Non en tabarnac*³. Согласись?

– А водители из племени фульбе? Их никто толком не проверял! А эти мелкие догоны, которых ты почему-то называешь охранниками? У них же тоже нет французских аккредитаций!

– Наши парашютисты не слепые котята, Бакст.

– Начальник, но они проезжают с нами за ворота французской базы с оружием... Что это за гребаные меры безопасности? И это как бы в зоне боевых действий!

– Они видят, что мы сидим в джипе, значит, местные парни с нами. Что тебя беспокоит?

– Начальник, а если эти местные парни тычут тебе в бочину калашниковым? И задумали гребаный теракт на французской военной базе?

– Бакст, прекращай смотреть американские сериалы. В

---

³ Совсем не охуенно (*фр. разг.*).

мире стало хуже с безопасностью, согласен. Но не до такой степени, как в тупом американском кино.

– Это еще что, – вступил в разговор Джуно. – Однажды мы с Шином целый день катались на черном джипе без номерных знаков по позициям элитной «Золотой дивизии» в Ираке. Мы подъезжали к артиллерийским батареям и снимали, как они лупят по Таль-Афару из систем залпового огня. И у нас ни разу не спросили, кто мы такие.

– По вам же сразу видно, кто вы такие, – неаккуратно выразился Бакст.

– Ты что, расист?

– Почему сразу... – напрягся телеоператор. – Я только хотел сказать, что вы не похожи на фанатиков ИГИЛ, пробравшихся в Ирак из какой-нибудь зачуханной Индонезии... Понятно, что вы очень интеллигентные азиаты. Или слово «азиат» для тебя недостаточно толерантно?⁴

– Сойдет, – скупно сказал Джуно.

– Окей, но самые крутые меры безопасности были у русских, – вспомнил приободрившийся Бакст, удачно отбивший тяжкое обвинение. – Идешь, бывало, по военной базе русских под Грозным по колено в грязи... Это еще в девяносто пятом на первой чеченской войне было, – и испуганный семнадцатилетний мальчишка, который по какому-то гребаному недоразумению называется часовым, орет тебе из тем-

---

⁴ Международная террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории России.

ноты: «Стой! Восемнадцать!», а ты в ответ должен крикнуть: «Пять!» В сумме получается двадцать три. Это и есть правильный пароль. И необходимо было держать в голове три разных цифры, чтобы пройти к штабу. А коды у русских менялись каждые сутки...

– Какой ужас! – Джуно скривил лицо и всплеснул руками. – Хотя с математикой у меня норм.

– И был у меня приятель, русский телеоператор по прозвищу Кривая Молния. Огромный стопятидесятикилограммовый мужик с длинными седыми волосами, раненный в ногу где-то в Сомали. Он жил в автомобильном кунге в нескольких шагах от штаба. Под откидными койками у Кривой Молнии всегда стоял ящик водки. Я иногда забегал к нему поболтать после отправки отснятого материала. Так вот Кривая Молния мог зараз проглотить десяток жареных куриных окорочков. Для него это была лишь разминка перед хорошим ужином. Из-за покалеченной ноги и огромного веса он не мог присесть на корточки, поэтому солдатики специально для него смастерили деревянный стульчак с большой дырой в сидухе. И он таскал его на улицу, чтобы справить естественные надобности в развороченной гребаной танковой колее...

– Фу-у, у русских что, туалета не было? – спросил Шин.

– Был деревянный сарайчик за грузовиками связистов, но для Кривой Молнии этот клозет находился слишком далеко. Однажды он плотно поужинал и выпил бутылку или две

водки. Консервы из свинины оказались не особо свежими, и ему пришлось тащиться с этим своим стульчаком наружу – в непроглядную темень и осенний ливень. Его огромную фигуру разглядел часовой и заорал: «Стоять! Семнадцать!» А пароль был тогда «Двадцать», то есть надо было крикнуть. «Три!» Но Кривая Молния молчал, поскольку после обильного ужина не мог вспомнить гребаный шифр. Времена были суровые, чеченцы то и дело внезапно атаковали военную базу русских. То есть не до шуток... Солдатик, не слыша ответа, передернул затвор калашникова и снова заорал: «Пароль! Бля! Стрелять буду». И реально уже собирался телеоператора валить на фиг, но тут Кривая Молния, сообразивший, что в этой нелегкой ситуации его может спасти только кристальная честность, говорит: «Не стреляй, братишка, я все равно уже обосрался...»

– Фу-у, – повторил Шин. – И что?

– Ничего. Часовой даже рассмеялся. Ни один чеченский диверсант никогда бы так не ответил. Чеченцы гордые. И даже слишком...

– Не рассказывай эту историю адмиралу Гайво, – попросил Анри. – Вдруг он решит применить русский опыт на наших базах в Африке, а у меня с цифрами совсем не охуенно.

– Вы едете завтра с нами в Бамако на машинах? – спросил Бакст у японцев. – Или сливаетесь?

– Нет, Бакст, – ответил Джуно. – Мы решили пробиваться на военный борт. В самолете напьемся и будем горланить

веселые ирландские песни.

– Почему ирландские?

– Чтобы действовать на нервы вашим солдатам и смотреть, какая у французского спецназа выдержка. Это пригодится для блага.

– Надеюсь, наши парашютисты не набьют вам морды и исламисты не сожгут самолет! – сказал Анри. – Ну а мы двинем на машине через пустыню, как и планировали.

– Удачи! Анри, ты же знаком с главным принципом работы в Африке?

– Их много, и все главные.

– Анри, никогда не езди ночью по Африке.

– Джуно, мы работали в Могадисио, когда сомалийскую столицу штурмовали боевики Исламских Судов. Мы снимали освобождение заложников в Нигерии. Делали репортажи о межнациональной резне в суданском Дарфуре. Однажды нам с Бакстом удалось записать интервью с «папой черного терроризма» – доктором Тураби в Хартуме, когда тот сидел под арестом за попытку государственного переворота...

– Хорошо, хорошо, стоп! – Японец поднял руки вверх. – Самураи обычно не сдаются, но тут я сдаюсь! Все знают, что вы с Бакстом – *настоящие псы войны*. Особенно Нильс... Но зачем так рисковать и ехать по зоне племен, если можно воспользоваться трансфером вашей прекрасной транспортной авиации? Уже через пару часов мы нырнем в бассейн столичного отеля «Салам», и прекрасная чернокожая нимфа

принесет нам из бара настоящую «Кровавую Мэри».

– У нас нет боевой картинки, – в который раз повторил Анри. – Полный пиздец. У нас нет ни одного дельного интервью.

– Ну почему? – вступил в разговор Шин. – Адмирал Гайво любезно покатал нас всех на боевом вертолете *Super Puma* над пустыней, а вас по благу даже взяли на зачистку опасной бедуинской деревни...

– Смеешься? Такую «зачистку» при желании можно было снять в песчаных дюнах рядом с Бордо.

– Seriously?

– Еще бы не серьезно! Какая опасная зачистка? Накануне парашютисты фоткались там для своих фейсбуков. В этой деревеньке обитают не бедуины, а животноводы фульбе. Смирные, как их овечки. Мужики носят на голове соломенные колпаки, а женщины – огромные золотые серьги в ушах. Они угощали наших десантников вяленой козлятиной и чаем с мятой...

– Хорошие бы фоточки вышли для блога, – вздохнул японец.

– А на следующий день адмирал Гайво приказал спецназовцам, чтобы они как следует прочесали именно эту деревню в полной боевой амуниции...

– Зачем?

– Для телевизионной картинки, специально для нашего репортажа. Мы не просили об этом командующего Гайво, но

он решил, что так будет безопаснее.

– Что именно безопаснее?

– Безопаснее снять картинку о французской спецоперации в деревне, где живут мирные животноводы. И не лезть со съемками к настоящим бедовым туарегам. Кто там в Париже разберет... А адмиралу надо показать, что его парашютисты заняты в Мали делом. Не рискуя нашими жизнями.

– Какая тупость, – вздохнул Шин, – впрочем, так ведут себя адмиралы всех армий мира. Среди животноводов никто не пострадал?

– Нет, но они очень удивились, когда к ним ворвались знакомые парашютисты, вооруженные до зубов, и принялись искать несуществующую взрывчатку в козых загонах.

– Естественно! Сначала их новые друзья-французы пилят с ними селфи в инстаграме, а потом вдруг спрыгивают с вертолетов и суют автоматы в козы морды... Как тут не удивишься?

– Да, – подтвердил Анри, – командир спецназа капитан Гризман даже сказал, что ему стыдно и он чувствует себя полным дерьмом.

– Врет твой Гризман, – сказал Джуно, – когда президент Олланд будет вручать ему в Париже боевую медаль «Заморских территорий», он скромно улыбнется и даже не покраснеет.

– Скорее всего...

– Кстати, ты говорил в репортаже, что исламисты не от-

ступили, а просто разошлись по домам?

– Да, и что?

– Ты сказал это так, словно тут в каждом доме из угла спящая ячейка джихадистов щерится.

– Ты это к чему?

– Здесь же нет настоящих исламистов.

– А с кем тогда воюет французская армия?

– Понятия не имею, но точно не с ними. В этих краях нет ни одного настоящего фундаменталиста.

– *Va te faire enculer!*⁵ – Белое в веснушках лицо Анри мгновенно порозовело. – Ох, Джуно, прости, вырвалось...

– Окей, месье матершинник.

– Но что за чушь ты несешь?

– Нет, не чушь. Вы здесь в первый раз, а мы с Шином – в третий.

– И что?

– Северная Сахара – исконная земля туарегов. Для них собственные национальные традиции важнее любых законов на земле, в том числе и шариатских. А у настоящих исламистов наоборот, у них нет национальностей! Понимаешь? Они руководствуются только мусульманскими законами! И люди, которые живут не по шариату, считаются у них неверными, впавшими в куфр. Ну и сам посуди, разве могут быть туареги настоящими исламистами? ⁶

---

⁵ Да пойдя поебись ты в жопу! (*фр. сленг.*)

⁶ Сокрытие неверия (*араб.*).

– Я ничего не понял. – Бакст рассматривал дно пустого стакана. – Осталось еще sake?

– Чего ты не понял? – Джуно передал могучему оператору большую бутылку. – Допивай, там остался последний, а значит, самый ценный глоток.

– Разве стражники «Аль-Мирабитуна» не захватывали Тимбукту? – спросил Бакст. – Или историю о туарегском «Талибане» наш бравый президент Франсуа Олланд просто выдумал?

– Анри, вы записывали интервью с местными жителями?

– Да, три часа пустой болтовни никому не известных чернокожих людей.

– Хоть один из них рассказал вам, как стражники «Аль-Мирабитуна» казнили горожан?

– Увы, нет.

– Правильно. И на самом деле боевики, зашедшие в Тимбукту, никого не приколачивали гвоздями к деревянному кресту, как это делают настоящие джихадисты в Южном Йемене, не отрезали руки по локоть большими ножами за воровство, как радикалы в Сомали, и не расстреливали неверных скопом из пулеметов, как игиловцы в Ираке.

– Значит, гребаная политика, – сказал Бакст.

– Скорее всего... В Тимбукту живут люди из племен сонгай, фульбе и монде. С точки зрения чистого фундаменталиста, все они грязные, неверные кафиры. Если бы стражники были настоящими исламистами, они бы тут такого наворо-

тили.

– Местные нам жаловались, что боевики в городе на целый год вырубili электричество. – Анри опасно раскачивался на пластиковом стуле, как на боевом коне. – Типа они были против современных технологий. Сидите, люди, в темноте, изучайте при свечках Коран.

– Уверен, электричество вырубili власти в столице Бамако, – сказал японец и улыбнулся, как будто это было забавно, – но не это самое загадочное; вы же знаете, что здесь куда ни плюнь – обязательно попадешь в объект всемирного наследия ЮНЕСКО?

– Еще бы! – Раскачивающийся на хлипком стуле Анри рисковал свалиться на пол. – Половина нашего тухлого документального фильма посвящена тому, что в древности Тимбукту называли «городом трехсот тридцати трех святых». И была поговорка: «Соль прибывает с севера, золото – с юга, а слово Божье и мудрость – из Тимбукту».

– Вот-вот, – подхватил Джуно, – тут сплошь лабиринты узких улиц и кварталы с нагромождениями древних построек. Настоящие исламисты держали бы здесь оборону ого как долго. Но они ушли без единого выстрела аккурат перед прибытием французского спецназа. Почему?

– Да, почему? – как эхо повторил Бакст.

– Эти боевики могли стать шахидами, погибнуть за ислам и унести к прекрасным гуриям... – сказал Шин.

Джуно соскочил с кровати и двинулся по комнате мимо

лежащих на полу Бакста и Нильса, двигая руками, как кукла из театра кабуки.

– ...к большеглазым чернооким девам с кожей цвета серебра. Их прежде не касался ни человек, ни джинн. Эти гурии на том свете смотрят только на своих мужей, погибших за веру. Если гурии наденут на себя семьдесят слоев одежды, то все равно можно увидеть суставы их стройных ног.

– Откуда вы все это знаете? – спросил Бакст. – У вас в Японии все такие умные?

– Мы с Шином окончили юридический факультет Токийского университета. – Джуно остановился и пнул пустую бутылку, лежавшую около кровати. – И, к твоему сведению, с отличием! Мы изучали не только светские законы, но и шариат, а еще особенности буддистской государственно-правовой модели.

– А ведь ты прав, – перебил его Анри, – этот городок прям-таки создан для громкой на весь мир операции боевого джихада. Типа атаки на Нью-Йорк одиннадцатого сентября. Так почему же они смылись отсюда без боя?

– Вопрос не в том, что смылись... – начал японец.

– ...А были ли они вообще на самом деле? Так? – подхватил за ним Анри.

– Нет, не так! – сказал Джуно. – Являются ли они теми, за кого себя выдают? Ну или теми, кем их считают?

– Окей! Но если в этих краях нет радикалов, то почему вы передумали ехать с нами на машинах? И бубните, что это

опасно?

– А тебе не все равно, кто отрежет голову в пустыне? Настоящий исламист или уголовник, выдающий себя за ветерана глобального джихада? Какая разница, кто поставит тебя, Бакста и Нильса на колени и поднесет огромный нож к горлу?

– Я бы пошутил несмешно в духе еще не снятого Тарантино, но воздержусь... – Бакст зевнул, как бегемот. – Давайте уже расходиться по номерам? Нам завтра рано утром в дальний путь-дорожку.

– Окей! – поддержал его Анри. – Тем более выпить больше нечего...

– Послушай, Анри, – сказал Джуно, – я не собираюсь тебя отговаривать от опасной поездки, но...

– Что «но»? Эй, парни, унесите с собой Нильса, *please*.

– Мы пересекались с местными террористами. Они непредсказуемые. Очень опасные люди, Анри.

Человек с мурлыкающим голосом

– Вы были у моджахедов Северной Сахары? – в голосе Анри отчетливо прозвучала зависть. – Почему же я об этом ничего не слышал?

– Потому что не знаешь японского и не смотришь наш гениальный блог на *YouTube*, – без эмоций ответил Джуно.

– Давайте я расскажу, – вмешался Шин, – а точнее, процитирую наш пост, набравший крошечную горстку лайков и несколько миллионов дизлайков...

– На мой *Twitter* подписано три миллиона человек, – не удержался Анри, – во франкофонном мире, от Канады до бывшего Индокитая. У вас же поменьше?

Японцы устали в пол, точнее, на спящего Нильса.

– Ладно, ладно, не дуйте! – Анри расхохотался. – Шин, цитируй вашу заметку... Ну, *please!*

– Окей, но больше не хвастай и не перебивай! Нас тогда заинтересовала судьба древнейшей библиотеки манускриптов, которую стражники «Аль-Мирабитуна» хотели якобы уничтожить. Об этом с утра до ночи кричали власти Франции. Мы прилетели в Бамако и караваном с другими иностранными съемочными группами отправились в Тимбукту. Время было выбрано неудачное – в Мали случился очередной государственный переворот. В Париже поддержали пут-

чистов, поскольку сами же наверняка их и спонсировали. И кстати, почему вас не было на той заварухе?

– Мы тогда застряли на пикнике у повстанцев в Сирии, – сдержанно ответил Анри. – И было тоже очень круто.

– Окей, тогда неумные туареги воспользовались неразберихой и объявили о создании независимого государства Азавад. В целом ситуация выглядела запущенной и запутанной. Уже в ста километрах от столицы закончилась приличная бетонная дорога. В четырехстах километрах пропало сухое вино и французский язык из меню придорожных кафе. В пятистах исчезли и сами кафе. Потом на единственной дороге у городка Мопти вдруг возник блокпост спецназа из Парижа. Нам сообщили о приказе «не пускать журналистов в зону боевых действий из соображений безопасности». Тогда мы арендовали в складчину с другими иностранными группами маленький самолет, чтобы утром вылететь в Тимбукту, однако ночью, как назло, началась сумасшедшая пыльная буря. Полет откладывался два дня подряд. Нам с Джуно надоело пить местное пиво, и мы решили двигаться на машине, попытавшись объехать все блокпосты французов и местных военных. За три тысячи евро мэр городка Севаре, где находился наш отель, выделил «самых отчаянных и, безусловно, храбрых людей, а также наилучший внедорожник». Машина, подъехавшая к гостинице, оказалась огромным японским драндулетом выпуска семидесятых годов. Водитель – черный жилистый старик в шляпе хипстера, лицом похожий

на постаревшего рэпера Снупа Догга, – закинул наши сумки и бронежилеты в багажник. Проводник, смешной черный коротышка с толстыми губами, снял с головы зеленую рейнджерскую шляпу. «Нам придется сделать огромный крюк, – сказал он, забавно шлепая губами. – Крюк через предгорья Бандиагара, где живет мое племя догонов, а потом уже по пустыне проскочить между повстанцами. Но обещаю, что армию и полицию вы не увидите». Нам пришлось внимательно изучить бумажную карту, поскольку *Google* не работал, – нам действительно предстояло проехать не пятьсот, а более тысячи километров. «А машина выдержит такой маршрут?» – спросили мы у шофера. «Это очень надежный корабль пустыни, господа!» – ответил «Снуп Догг». Вскоре позади остался единственный в этой части страны крохотный аэропорт. Скрылись из виду городок Мопти и гомонившая пристань у излучины реки Нигер с узкими многометровыми лодками-каное, перегруженными всяким барахлом. Растворились в облаках дорожной пыли толпы кричащих и смеющихся черных людей в цветастых одеждах...

– А ты, Шин, настоящий писатель! – прервал его Бакст.

– Наберись же терпения! Я по памяти цитирую текст, собравший несколько миллионов оригинальных просмотров в Японии... Бесследно исчезли помойки мусора на улицах и отель с зелеными юркими ящерицами, неожиданно пробегающими по сломанной кровати в номере. Сгинул гостиничный персонал вместе с салатами из консервированного тун-

ца, тушеным мясом, жареной картошкой и ледяным пивом из гремящего китайского холодильника. Цивилизация осталась позади. Впереди нас подстерегали исламисты, установившие среди рыжих песков и колючек жестокое шариатское государство Азавад. В грязноватом небе над Сахарой барражировали французские «Миражи», чтобы уничтожить автомобили террористов, и мы прикрепили на крышу нашей машины растяжку с крупной надписью *PRESS*. Маленький проводник повернулся к нам с переднего сиденья и заявил, что если мы нарвемся на боевиков, то у него будут проблемы. «Мы, догоны, – сказал он, – верим в святость воды, потому что влага есть повсюду, даже в камнях. Наши боги Номмо – родные братья, полужмеи. Для исламистов это ужасная и грязная ересь. Они считают нас змеепоклонниками. И мне каюк, если попадемся повстанцам. Понимаете? Вы же образованные люди, из Японии?» – «Да, – ответили мы хором, – мы из Японии». – «Моя задача – провести вас в обход блокпостов французов и армии Мали и обратно, да?» – «Да!» – снова сказали мы. «Если встретятся исламисты, обязательно кричите им: “Ассаламу алейкум!” По законам шариата религиозный фанатик после такого приветствия не имеет права вас убить. По крайней мере сразу...» Коротышка надвинул на маленькое лицо свою шляпу рейнджера и тихо вздохнул. Поездка только начиналась, а этот мужичок уже отчаянно нервничал. Понятно, что он согласился на рискованное путешествие ради больших денег, но теперь чего пере-

живать? То, что должно случиться, обязательно случится. Я тронул за плечо водителя «Снупа Догга» и спросил: кто он по вероисповеданию? «Суннит, – ответил он и протер длинными черными пальцами солнцезащитные очки шестидесятих годов. – Мусульманин-суннит, хвала Аллаху – Господу Миров!» Нам показалось, что коротышка-проводник на переднем сиденье дернулся, словно его укололи иголкой. Горы становились серыми. Мы проезжали смешные селения догонов – с остроконечными крышами хижин в скалах, – и тут в машине заработало местное радио на длинных волнах:

«...В то же время антитеррористические операции, проводимые малийской правительственной армией в северной части страны, привели к убийствам гражданских лиц и усилению межобщинного насилия. Местными властями выдвигаются серьезные обвинения против Малийских вооруженных сил, и правительство Мали признало, что военнослужащие участвовали в совершении нарушений в области прав человека в Нантаке и Кобаке...»

Мы не стали останавливаться на ночлег в догонской деревне и поехали в кромешной темноте. Радио снова замолчало. Вскоре из придорожной засады по колесам нашего джипа был открыт автоматный огонь. Водитель резко затормозил... Мы стояли на коленях в пыли, держа руки за головой, и отвечали на вопросы невидимых вооруженных людей. Переводил ответы наш проводник из мирного племени догонов. Он грустно прошептал мне на ухо: «Вас они возьмут

в заложники, а меня сейчас убьют». На нашу удачу, вооруженные незнакомцы оказались блуждающим дозором армии Мали, а их лейтенант был хоть и недобрым, но вменяемым парнем... Он не знал, что с нами делать, просто махнул рукой, и мы поехали дальше. Примерно через час или около того джип снова взвизгнул и затрясся – «Снуп Догг» резко нажал на тормоза. Неизвестный человек, возникший в свете фар перед машиной, выстрелил из автомата прямо под колеса. Раз, два, три! Двери в джипе начали открываться сами собой. Невидимые цепкие руки выдергивали нас из машины. Второй раз за ночь мы сидели на коленях в придорожной пыли. Окружающий мир был словно залит чернилами – над пустыней растянулась беззвездная ночь. Только внизу, в стороне от дороги, горел нехорошо подмигивающий костерок. Мы собрались с духом и выдавили вслед за водителем хриплое приветствие: «Ассалам алейкум!» Нам из темноты вяло ответили: «Ва алейкум». Ответ на приветствие короче самого приветствия означает, что вас совсем не уважают. Дурной знак. Джуно потом признался, что подумал о ненаписанной докторской диссертации, а я вспомнил, как однажды ел черные трюфеля, запивая их белым вином с ягодным привкусом, в ресторане *Soelleroed Kro* в центре летнего Копенгагена. Нас обыскали, потом подхватили под руки и повели к крохотному костру, разожженному из верблюжьего помета и сухих колючек. Там сидел человек – с головой, замотанной традиционной для кочевников тагель-

мустой, длинной полосой темно-синей, почти черной ткани. Шофера, коротышку и нас усадили напротив. Чья-то рука из темноты протянула ему наши документы. Он слегка нагнулся к огню и стал их разглядывать, задавая проводнику вопросы на непонятном языке. Коротышка долго сипел в ответ, очевидно объясняя, кто мы и почему тут оказались. Человек внимательно слушал и вдруг резко перебил проводника. В воздухе прошелестело: «Аллаху акбар!» Я увидел мелькнувшую сбоку блестящую змею, это была изогнутая сабля. Она появилась на мгновение и спряталась за нашими спинами. Несчастный догон коротко вскрикнул, а потом опрокинулся назад. Между нами и водителем образовалась пустота... В тишине «Снуп Догг», закрыв глаза, глухо и чуть сбиваясь, стал твердить одну и ту же фразу. На слух мы узнали арабскую шахаду, то есть словесное подтверждение мусульманином своей немедленной готовности принять мученическую смерть за веру. «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммед – посланник Аллаха». Мы с Джуно тоже ждали прикосновения острого металла к нашим самурайским шеям. Неожиданно человек спросил на хорошем английском: «Вы что, правда японцы?» Голос у него был немного мурлыкающий, но враждебный, как у голодного пустынного кота. «Мы японские блогеры из Парижа». – «Журналисты из Франции? Вы сотрудничаете с журналом, нарисовавшим грязные карикатуры на пророка Мухаммеда? Мир ему и благословение!» – «Нет», – отвечали

мы почти хором и, надо признать, испуганно. «Значит, работаете на французскую разведку»? – «Нет! Нет!» – «Тогда что же вы здесь делаете, господа японцы из Парижа?» – «Хотим написать про библиотеку древних манускриптов». – «Наша война – это джихад, – медленно и очень значительно произнес он, словно не слыша наше объяснение. – Мы выступаем против любых революций, если они проходят не под знаменем ислама. Настоящая независимость является исламом. Она практикует шариат от рассвета до заката. Для всех без исключения – белых, черных и желтых людей. Аллаху акбар! Вы поняли меня?» – «Да». – «Скажите, что поняли?» – «Что вы воюете». – «А еще что?» – «От рассвета до заката. Аллаху акбар!» Человек глухо рассмеялся. Словно мы общались и шутили в какой-нибудь парижской кофейне *Le Télescope*, а не на границе пустыни Сахара у костра, разожженного из сухих верблюжьих какашек.

Еще немного, и мы разъедемся на такси. В руках страшного человека появился спутниковый телефон. Заглядывая в наши документы, он что-то говорил в трубку. Кажется, диктовал данные паспортов и, судя по повелительным ноткам, давал некие указания... Потом поднялся и сказал: «Я поеду вместе с вами в Тимбукту, у меня там есть дела. Если вы выдадите меня властям, то наши моджахеды, живущие во Франции, зарежут ваших девушек, если они есть, и пару лучших друзей – на всякий случай. Мои люди в Париже сейчас получили задание – определить ближний круг ваших знако-

мых. Они будут следить за ними. Аллаху акбар!» ...О мой бог! – Шин неожиданно прервал рассказ. – Я бы не отказался сейчас от нескольких порций хорошего виски перед сном... Было очень унижительно трястись много часов в одной машине с человеком, приказавшим убить члена нашей группы, зарезать коллегу, можно сказать...

Блогер поднял с пола пустую бутылку, запрокинул к потолку и слизнул невидимую каплю sake. Потом аккуратно положил бутылку в мусорную корзину.

– А мертвого проводника вы оставили лежать в гребаной пустыне? – спросил Бакст, растянувшийся во весь свой немалый рост на полу. Рядом, тревожно подрагивая, спал Нильс.

– Нет, невидимые люди бросили тело к нам в багажник, прямо на наши личные вещи, спальные мешки и бронежилеты...

– Вы записали с убийцей интервью по дороге? – спросил Анри.

– Нет, но пытались... Он сидел на переднем пассажирском сиденье и молчал. Но, если честно, даже без такого интервью мы из этой истории выжали по максимуму. У нас было пятнадцать миллионов оригинальных просмотров. – Шин закрыл руками глаза. – Извините, тяжело это вспоминать...

– Не понял. Значит, миллионам японцев рассказать нормально, а для двух с половиной французов тяжело? – бесцеремонно уточнил корсиканец и потеревил золотую сережку в правом ухе.

– Бакст, может, ты не знаешь, но у нас в Японии не потерять лицо – это самое важное в жизни, – вступился за друга Джино. – Аудитория нашего блога резко разделилась. Одни писали в комментариях, что мы с Шином должны были броситься на убийцу, отобрать оружие и вступить в бой, а другие считали, что по приезду в Тимбукту нам следовало сделать себе харакири вследствие перенесенного оскорбления.

– А ваша гребаная целевая аудитория совсем не подарок... – вставил Бакст.

– Да, и масла в огонь добавили фоточки в фейсбуке, где мы улыбаемся с пьедестала почета на чемпионате Токио по фехтованию на самурайских мечах, – мрачно добавил Шин, вытирая лицо влажной салфеткой и шумно высмаркиваясь.

– Другими словами, на родине считают, что вы потеряли лицо? – уточнил Анри.

– Да.

– От вас стали отписываться?

– Наоборот, прибавилось миллиона полтора подписчиков...

– Еще бы... И все-таки убийца вашего проводника был настоящим фундаменталистом?

– Нет, не был.

– А кто он был?

– Мы не знаем.

– Как так «не знаем»?

– Он пил с нами саке...

– Что? Какое саке?

– Самое настоящее, с цветочным ароматом, как сейчас помню... По дороге в Тимбукту мы делали короткие остановки в пустыне. И на одной, когда страшный человек отошел за кусты акаций, мы с Джуно, трясаясь от страха, открыли багажник, сдвинули мертвого проводника и вытащили из сумки металлическую флягу... «Это, разумеется, саке?» – вдруг за нашими спинами раздался низкий, слегка мурлыкающий голос. «Да, – признались мы, – это авторское саке класса премиум». Страшный человек протянул руку, взял фляжку и сделал несколько совсем не маленьких глотков...

– Постой, разве мусульманам можно пить? – удивленно спросил Бакст и даже приподнялся на руках, словно собрался отжаться от пола, чтобы «немного сбросить лишний вес». – У них же выпивка – смертный грех, типа как у нас, у католиков, похоть...

– В том-то и дело, что для сторонников чистого ислама алкоголь – это безусловный харам, хотя ради справедливости скажу, что в Коране нет прямого запрета алкоголя... Наоборот, говорится примерно следующее: «Из плодов пальм и виноградников вы получаете добрую пищу и напиток: поистине в этом – знамение для людей разумных...» Потом посланник Аллаха добавляет: «О, вы, которые уверовали, не творите молитвы, будучи пьяными, пока не станете понимать то, что говорите...» Тем самым он подчеркивает, что алкоголь сам по себе не является запретным, но затуманивает

разум и вашей слабостью может воспользоваться злой шайтан...

– Вы еще и Коран наизусть знаете? – снова изумился Бакст.

– Нет, к сожалению... но когда решили ездить в мусульманский мир, где наследили французы, а вы много где наследили, *sorry*, то специально выучили наизусть несколько важных моментов из откровений пророка Мухаммеда...

– Ок, но скажи, раз он пил саке из вашей фляжки, следовательно, опустил синий платок и вы увидели его лицо? – спросил Анри.

– Да.

– Как он выглядел?

– У него были пронзительные сине-голубые глаза на коричневой морщинистой физиономии, как у Клинта Иствуда, застрелившего на полустанке трех бандитов в самом начале фильма... Помните: «У нас нет для тебя лишней лошади». – «Вы даже две лишних привели».

– Постой! А того стрелка с губной гармоникой ведь играл Чарльз Бронсон, – поправил Бакс, – и у него были пронзительные, но не голубые, а зеленые глаза.

– Не стану спорить ни про Бронсона, ни про Иствуда, ни про их глаза, – сказал Шин, – для нас они похожи. *Sorry*. Так вот, страшный тип высадился из нашего драндулета в центре Тимбукту в нескольких шагах от бронетранспортера, на котором завтракали французские солдаты. Признаюсь, мы

поразились его хладнокровию. Он открыл багажник, достал огромный рюкзак, похожий на альпинистский... «Вы можете отдать тело этим воякам», – презрительно сказал он, показывая пальцем на смеявшихся военных. «И что мы им скажем?» – «Правду, конечно. Аллах велит нам говорить только правду». Он хотел уйти. «Но если мы скажем правду, то эти французы бросятся за вами следом». Он остановился, закинул тяжеленный рюкзак за спину и сказал: «Послушайте, господа японцы из Парижа, вы видели, как я лично кого-то убил?» – «Нет, но...» – «Я обычный туарег, в пустыне на меня наткнулась банда малахольных отморожков, вообразивших себя воинами джихада. Они хотели меня казнить, и мне пришлось притвориться странствующим моджахедом». – «Но нам показалось, что вы ими командовали». – «Ну что же, тогда подчинитесь вашим фантазиям и выдайте меня чужеземным солдатам». Мы молчали, и он рассмеялся каким-то странным низким мяукающим смехом, напрочь лишенным веселья. «Вы не рискнете вашими друзьями в Париже ради какого-то догона, в этом вы, японцы, похожи на европейцев». И он скрылся в толпе перепачканных мастеровых, чинивших обвалившийся угол соборной мечети Джингеребер, построенной в глубокой древности из глины, соломы, песка и стволов пальмы...

– Шин, ты увлекся цитированием вашего... несколько художественного блога! – крикнул Анри. – И даже чересчур художественного!

– И что? У нас есть даже собственные хокку и хайку, посвященные этой кошмарной истории...

– Давай без стихов. Вы узнаете его при встрече?

– Конечно, узнаем. Более того... Мы видели этого типа сегодня.

– Что? Сегодня?! *Putain de bordel de merde!*

– Да, сегодня. И весь день обсуждали с Джуно, что бы это могло значить.

– И где же вы его видели?!

Во входную дверь гостиничного номера поскреблись тихо, но настойчиво, как царапаются в дом бездомные кошки, которым уже пару раз наливали верблюжьего молока на крыльце. Дверная ручка повернулась, и в комнату вошли два чернокожих мужчины в зеленых спецназовских беретах, камуфлированной одежде и резиновых шлепанцах на босу ногу. Они были такого маленького роста, что автоматы Калашникова задевали деревянными прикладами их колени.

– Господин Анри, мы не сможем поехать с вами в столицу Бамако, это слишком опасно, – сказал один из них глухим баском, коверкая французский язык. – Наши боги, братья Номмо, сообщили, что скоро начнется очень сильная песчаная буря самум и...

Репортер встал со стула, достал из штанов карго пачку западноафриканских франков и половину протянул телохранителю.

– Это за два последних дня вашей работы, – сухо сказал

он. – Достаточно?

– Благодарю вас, господин Анри. – Коротышка снял зеленый берет, взял десятитысячные банкноты и поклонился. – И будьте осторожны, в этой части Африки белым людям везет все реже и реже.

Репортер закрыл дверь за внезапно уволившимися договорами и, пробормотав: «Что за сраный бардак!» – повернулся к японским блогерам:

– Так где вы его видели? Слышите? Или не слышите?

– Он прогуливался по вашей военной базе, Анри. Здесь, в Тимбукту.

5

Ненастье

Не зря маленькие догоны считаются первейшими космогонистами и метеорологами во всей Африке. Ближе к ночи их божества – братья Номмо – обратились в монструозное существо, состоящее из шевелящегося песка, камней, сухих веток и верблюжьих экскрементов. Монстр поднялся над песчаниковыми скалами плато Бандиагара во весь свой исполинский рост, мигом засунул улыбающуюся луну вместе с лучезарными звездами в шуршащие карманы пыльного халата-гандуры и зашагал по великой пустыне, равной по территории всей Бразилии или большей части Сибири. Свирепая красно-желтая буря, поднятая близнецами Номмо, вмиг долетела до редколесья из суховатых акаций рядом с внутренней дельтой реки Нигер, и смурная девица, сидевшая в палатке из шкур муфлона и козы, принялась более тщательно заматывать голову плотной кувией. Снаружи гудел ветер, но обитателей бедуинского шатра, надежно закрепленного на прочных деревянных дугах, шум не беспокоил. Правда, стало очень душно и почти жарко. На мужской (восточной) половине – в паре шагов от нее – дядюшка Орион и Орел, сидя на коленях, стучали нардами, подсвечивая фонариками на генераторах, работающих от сжимания и разжимания ладоней. Триктрак, триктрак, триктрак... В игре она не раз-

биралась, но по довольному хмыканию старика и яростным вскрикам Орла было понятно, что побеждал опыт.

– Куда это ты в бурю собралась? – прогундосил злившийся после очередного проигрыша птенчик.

– Лучше скажи, зачем цветочной эссенцией надушился? – сказала она. – Целый флакон на себя вылил?

– Как зачем? У меня с тобой первая ночь под одной крышей.

– Значит, на романтику настроился... Тогда зачем саранчу с чесноком нажарил? Да еще вонючую тарелку сюда притащил.

– Это же афродизиак. Небось не слышала у своих арабов такое слово?

– Тебе бы помыться, Орел, как следует, хотя бы песком.

– Если ты мне спинку потрешь, то давай! – визгливо отреагировал он. – И все остальное... Не откажусь!

– Опять? – неубедительно произнес дядюшка Орион. Его лидерство с прибытием легендарного джихадиста Омара Хомахи должно было вот-вот закончиться.

Выпускница йеменской Военной академии вздохнула. На родине ее научили сидеть в засаде подолгу, терпеливо – и совсем не уставать, но этот юнец с очевидными признаками биполярного расстройства сумел утомить всего за полдня.

– Зачем тебе я? – спросила она. – В тюрьме ты наверняка сам кого-то натирал. Вспоминай и наслаждайся.

Не дожидаясь еще одного хамского выпада, она сдвину-

ла круговую дверь-ограду, сплетенную из стеб-лей злаков, и выбралась наружу. Вход в бедуинскую палатку всегда с южной стороны, а джип они припарковали с северной. Видимость была нулевой. Под гнетом яростного ветра ей пришлось встать на четвереньки. Наверное, высоко над Землей по обшивке МКС сейчас так же ползет какой-нибудь русский космонавт. Но даже в открытом космосе ему комфортнее, чем ей. В скафандре чистый кислород, в жилом модуле его ждут астронавты, вменяемые люди (хоть и американцы), с хорошим образованием, а не беглые африканские уголовники. Спустя пару минут, почти задохнувшись, она попластунски подползла к колесам, наполовину засыпанным песком. Ей пришлось напрячь мышцы, чтобы открыть дверь, и она забралась внутрь внедорожника. Хвала Аллаху – Господу миров! Не обращая внимания, как братья Номмо раскачивают огромный внедорожник из стороны в сторону, достала из-под сиденья спутниковую трубку и набрала номер Стайера.

– Ассаламу алейкум, господин майор! Как ваши дела?

– Мир и тебе! Ты вроде уже звонила сегодня из местечка Фьор... Тьфу... Прости меня, Аллах!

– Из коммуны Фредериксхавн, из городка Скаген.

– Да, так проще, из датского Скагена.

– Господин майор, вы не могли бы зайти в интернет и посмотреть информацию на одного человека по имени Хомахи? Омар Хомахи... Я многое узнала сама, но хочу кое-что

подтвердить.

– У вас нет интернета? Я был лучшего мнения о Дании.

– На Балтике штормит. Очень сильный ветер. И на побережье перебои с электричеством.

– Я и слышу, голос странный. Тебе повезло, я как раз у компьютера. Перезвони через полчаса. Помнишь, какой у нас в Йемене тормозной интернет?

Стайер дал отбой, и она посмотрела на тактические часы. Продержаться полчаса в этой душегубке будет непросто. Воздух был переполнен пылью. По спине, животу и ногам бежали струйки пота. Хорошо бы утром отойти от шатра подальше в пустыню, если буря стихнет, конечно, раздеться и помыться сухим способом, как это делают кочевники. Не ко времени вспомнился гостиничный номер с кондиционером и ванной, где из обоих кранов щедро бежала вода. Тогда, в начале осени, у нее возникли непредвиденные сложности с одной *особой миссией*, и ей пришлось задержаться в Тимбукту. Впервые в жизни она пошла устраиваться на ночевку в гостиницу. Благодаря декоративным линзам, добытым поставщиком повстанцев, ее зеленые глаза стали обычными черными. Яркий, многоцветный, как это распространено среди местных женщин, хиджаб и очки в серой оправе с простыми стеклами довершали образ симпатичной, но простенькой сотрудницы гуманитарной миссии с незапоминающимся названием. Она спросила хозяина, и черный двухметровый консьерж указал на круглоголового толстяка в желтой олимпийке, чи-

тавшего у маленькой конторки. Симпатичный отельер, вопреки традициям, протянул ей руку:

– В исламе так не принято, но я самый начитанный из всех фульбе. Меня зовут Баба Файер. А ты кто?

Разговаривая с ней, он листал справочник *La bibliothèque brûlée des frères Lumière*⁷, издававшийся в Алжире. Там обычно публиковались занимательные, но внесистемные сведения вроде таких: «Три президента Израиля родились в Белоруссии. А вот еще посмотрите на фото пистолета *Beretta M1934*, из которого застрелили Махатму Ганди». Она помахала перед его носом удостоверением на имя аль-Мадинат аль-Мунаварра, гражданки ЮАР. Толстяк предложил поболтать на первом этаже в баре. Ей понравилось открытое добродушное лицо (без дурацкой синей тагельмусты на башке!), и она согласилась.

В тесноватом помещении с пятью пластиковыми столами наличествовали египетское пиво и вино *Merlot* с криво наклеенной этикеткой, но отсутствовал сладкий бедуинский чай – только за это можно было поставить заведению жирный плюс. В свои двадцать пять смуглянка впервые сидела в кафе без вооруженного родственника, как это принято в родном суровом Йемене, да еще в компании с чужим мужчиной, пьющим пиво. Огромный черный бармен Оскар сварил ей прекрасный крепкий кофе.

На барной стойке стоял радиоприемник, настроенный на

---

⁷ «Сгоревшая библиотека братьев Люмьер» (*фр. разг.*).

волну государственного радио из столицы Бамако.

«...В Танзании в возрасте пятидесяти семи лет умерла самка черного носорога по кличке Фауста. Это был самый старый носорог в мире. Местные жители заметили ее в кратере Нгоронгоро еще в 1965 году, когда ей было три года. Она свободно прожила в кратере пятьдесят четыре года, но последнее время из-за проблем со здоровьем провела под наблюдением танзанийских ветеринаров. К сожалению, у Фаусты не было детей. Восточный черный носорог – вид, находящийся под угрозой полного исчезновения...»

– Из какого ты города в ЮАР, Мадинат? – спросил Баба Файер, но в лицо не посмотрел.

Он пытался ее проверить, будучи, скорее всего, осведомителем французской секретной службы *DGSE* либо стукачом местного Министерства безопасности. Его добродушие и открытость – бутафорское прикрытие, как и ее очки от фальшивой близорукости.

– Из Претории.

– А! Мой однокурсник живет в Претории! Я был однажды у него в гостях... А в каком районе ты живешь, Мадинат?

Она сделала вид, что не услышала вопрос, наклонила голову, отпила крохотный глоток кофе и тут же спросила сама:

– И как вам наша Претория? Вы жили, конечно, у друга? Или все-таки в отеле?

– У друга в Саннисайде... Знаешь такой район?

– О! Саннисайд – небезопасный район. – Мадинат вздох-

нула свободнее, поскольку про Саннисайд как раз запомнила, когда летом готовилась к *особым мероприятиям* и читала материалы и о ЮАР в целом, и о мегаполисе, где якобы родилась и выросла. – Там же на юго-востоке очень плотная застройка, – сказала «южноафриканка» и пожала плечами, как бы извиняясь за недостатки родного города, – и люди вынуждены жить буквально друг на друге...

– Да, точно! – Баба обрадовался. – Опасный район, там одни нигерийцы! Нас с другом чуть не зарезали... Дважды!

– А я живу в южном пригороде, где намного спокойнее.

– А! – снова воскликнул Баба. – Значит, там белые живут?

– Да, это район богатых белых, но я из смешанной франко-арабской семьи с достатком ниже среднего.

– А! Знаешь, Мадинат, я все мечтаю покататься на горных лыжах в ЮАР в этом самом... месте... Ну, как его, напomini, плиз?

– Наверное, вы говорите о горнолыжном курорте, который находится в Драконовых горах, в провинции Квазулу-Натал, рядом с Лесото, не так ли?

– Точно! – обрадовался Баба и поднял вторую кружку пива. – Тиффинделл *Ski Resort*! Надо будет позвонить туда в следующем июне. Мадинат, а правда ли, что у вас похищали англичанина, игравшего Шерлока Холмса?

– Да, было дело, актера Камбербэтча, но очень давно.

– Писали, он даже заплакал, когда черные парни доставали его из багажника после освобождения.

– Ну, белые у нас в ЮАР теперь частенько плачут.

Пора было переключать не в меру любопытного отельера на местную проблематику. И она рассказала, что приехала на север Мали по делам женщин и детей, страдающих от посттравматического стрессового расстройства.

– Мы мониторим синдром в различных конфликтных зонах, – разъясняла она, с любопытством глядя, как Баба Файер лакомится холодным пивом. – Этот синдром мы называем поствоенным, или ПТСР.

– У нас тут постоянно заварушки, но я никогда не слышал про ПТСР... – вежливо произнес толстяк, слизывая белую пену с губ. – И что это?

– Проблемы со сном, раздражительность, частые пугающие мысли...

– А! Тогда ПТСР есть у большинства людей в Сахаре, – он улыбнулся и откупорил еще одну бутылочку, – а может, даже у всех.

– По данным нашего университета, худшие страны для женщин – Южный Судан, Ливия и, к сожалению, ваше Мали.

– Мадинат, я тут прочитал, к примеру, в Пакистане одна христианка, мама четырех детей, попила воду в деревне из священного колодца. И местные мусульманки обвинили ее в том, что она осквернила воду. Ее оправдали, но целых восемь лет бедолага ждала смертного приговора в камере.

– Хвала Аллаху, что оправдали.

– Это да, но разве в каком-нибудь Пакистане женщины

живут лучше, чем в нашем Мали? У нас такого мрака нет... Правда, и воды нет.

– Исследования нашего университета были проведены в ста шестидесяти семи странах. Учитывались критерии доступа к банковским счетам, наличие достаточных рабочих мест и безопасность...

Она хорошо подготовилась к особым заданиям, говорила весомо и доказательно. Запросто могла бы засыпать цифрами любого усомнившегося в ее гуманитарных компетенциях.

– Какие еще банковские счета? – удивился Баба Файер. – У нас на тысячу километров нет ни одного банка.

– Наши координаторы платят мне и другим сотрудникам миссии только за мониторинг населения. Обработка социологических опросов, анализ и выводы целиком на их совести.

– Ясно, Мадинат, – толстяк кивнул круглой головой и потерял интерес к ее странным занятиям, связанным с ПТСР. Теперь можно было потрясти его самого.

Еще в детстве Баба Файер пристрастился к чтению, что не совсем обычно для мальчиков фульбе. Вожди племени скинулись и отправили его на учебу во Францию. В студенчестве он промышлял перепродажей легких наркотиков в порту Марсея, тем не менее учился хорошо, умудрился убежать от совсем уж скверных историй и, получив диплом инженера, занялся бурением скважин на большой глубине

в Египте. Скопил денег, вернулся на родину в Тимбукту с мощной буровой установкой для глубоководных скважин и тремя немецкими пожарными машинами.

– И поэтому тебя называют Файер? – догадалась она.

– А, да! В детстве отец подарил мне игрушечную пожарную машину, с тех пор и повелось.

– И часто в Тимбукту случаются пожары?

– Нет, но теперь тимбуктинцы гордятся, что у них есть пожарная охрана. Как в нормальном городе. Послушай, если тебе, аль-Мадинат, понадобится помощь, обращайся... – Он отхлебнул из десятой по счету кружки. – Я самый умный у фульбе. Я первый фульбе-отельер. Ни у кого из фульбе нет собственных пожарных машин, а у меня есть!

А еще в его отеле была вода. Много воды! Хвала Аллаху – Господу миров! Вечером она забралась не в постель с анти-малярийной сеткой, а в ванну, наполненную теплой водой и ароматной пеной. И в тишине провела ранжирование текущих проблем по степени важности и отсутствию перспектив с их решением:

1. Государственный переворот в столице, сепаратистское восстание туарегов и французская оккупация привели к хаотичному межобщинному насилию на огромной территории.

2. Война за независимость туарегов обернулась бестолковщиной с элементами терроризма.

3. Лица всех местных неудачников замотаны тряпками опостылевшего синего цвета.

4. Куда ни приедешь, везде острейший дефицит воды и электричества.

5. В пустыне нет интернета, а ей хотелось бы иногда заглядывать в соцсети. Для дела, разумеется.

Тогда же, лежа в ванне, она услышала, как радиоприемник в комнате, настроенный на волну радиостанции «Свободное Тимбукту», бормочет о проведенной ею на днях *особой миссии*.

«...По сообщениям группы мониторинга ООН, на еженедельном рынке в Талатайе, область Гао, неизвестная женщина в темной бурке несколькими выстрелами из пистолета с близкого расстояния убила Бубакара ульд Абидина по кличке Буба. Женщине удалось скрыться неопознанной. Об убитом Бубакаре ульд Абидине известно, что на прошлой неделе он объявил о создании группировки “Эмират Великой Сахары” и демонстрировал на рынке отрезанные головы двух неизвестных мужчин, а также распространял листовки с призывами к боевому джихаду. Двумя неделями ранее этот же Буба в сопровождении своих людей на нескольких мотоциклах напал на деревню Инуелан. В ходе мотоциклетной атаки было убито пятеро гражданских лиц, в том числе известный мусульманский монах по имени Тиджит...»

Она долго разглядывала свои руки, из-за обезвоживания покрывшиеся тусклым налетом, и ногти, потерявшие естественный блеск. Пункт о дефиците воды в списке текущих проблем пришлось переместить на первую позицию. Она по-

пыталась убедить себя, что как только окажется в стране, где будет в достатке воды и здоровой пищи, то и проблемы со здоровьем исчезнут... Но паника, увы, не растворилась в ароматной пене, а наоборот, усилилась. Сообщение по радио тоже радости не добавило. Всё! Хватит с нее *особых миссий!* Раньше поручения по миссиям ей давал лично командующий туарегскими повстанцами Ибрагим Гали, но в последнее время это делали его заместители. И если честно, она начала опасаться, что под видом операций против нелюдей ей начнут подсовывать коммерческие заказы. Но уезжать из пустыни было нельзя. Никак нельзя! Еще в детстве она поклялась Аллаху (и самой себе), что все дела будет доводить до результата. Она несколько раз глубоко выдохнула-вдохнула, погрузилась с головой в воду и повела мысленный счет почти до обморочного состояния. Рекорд с задержкой дыхания не получился, но эвакуацию из Сахары она отложила до полного завершения крайне запутанного семейного дела...

Время, запрошенное Стайером на поиск информации в интернете об Омаре Хомахи, истекло. Лицо девушки заливал пот. В щелястом джипе, раскачиваемом ураганным ветром, не дышалось даже через арабский платок-куфию.

– Алло, господин майор.

– Да, послушай, а этот твой Хомахи, оказывается, был советником ливийского лидера Муаммара Каддафи. То есть он наверняка военный специалист высокого уровня... Ты запи-

сываешь?

– Я запомню. У меня тут в Дании даже электричества нет.

– Когда случилась ливийская революция и взбунтовавшиеся граждане стали таскать своего любимого вождя Каддафи по улицам в голем виде, Омар Хомахи исчез из Ливии и вскоре объявился в Саудовской Аравии – в должности консула Республики Мали. В Сети нет ни одного упоминания, как он проявил себя на дипломатической службе, но, видимо, в Саудии его сильно покусали местные ваххабиты, поскольку вскоре он всплыл в стоп-листе ООН как командир террористической организации, действующей на территории Западной Африки...

– Что, господин майор?.. Повторите!

– Хомахи в списке ООН как руководитель террористической организации... Алло, ты меня слышишь?

Только бы не потерять сознание. Она решила, что сейчас самое время проверить свой характер и попробовать как-нибудь пошутить:

– Значит, он стал самым опасным человеком в Лондоне после профессора Мориарти.

– Да, до сих пор среди аборигенов ходит легенда, как однажды он прополз по дну высохшей речки и освободил раненого человека из лап огромного льва.

– Что?

– Не ты одна в детстве читала Конан Дойла.

– Жаль, что вас нет рядом, господин майор.

– На все воля Аллаха! И кстати, в интернете нет фотографий Омара Хомахи или хотя бы его словесного портрета.

– Ни одного фото?

– Есть одна фотография, но такого качества, что непонятно, Хомахи это, Иванка Трамп или Ким Ир Сен. Моя версия – кто-то за ним тщательно подчищает в интернете.

– Может, он просто никому не интересен?

– Не думаю... В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году ливийский диктатор Муаммар Каддафи приказал взорвать пассажирский самолет авиакомпании *Pan America*... Вот нашел в интернет-закладке... От взрыва лайнер упал с эшелона в десять тысяч метров, полностью разрушился, и его горящие обломки рухнули на шотландский город Локерби. Погибли двести семьдесят человек, в основном граждане США и Великобритании. Твой клиент Омар Хомахи тогда трудился на посту военного советника Муаммара Каддафи. И ты думаешь, он действительно никому не интересен?

– Вы как всегда правы, господин майор.

– Послушай, если тебе вдруг понадобится срочная эвакуация из этой твоей Дании, только скажи... Хуситы отдали моему следственному департаменту самолет Итальянца, помнишь? Того убитого министра авиации из Сомалиленда...

– Прощайте. – Она уже почти задохнулась, но все же добавила вежливое: – Спасибо.

На восточной половине шатра дядюшка Орион и Орел по-прежнему стучали нардами, подсвечивая игру ручными фо-

нариками. Триктрак, жик-жик. К монотонным звукам добавилось чавканье птенчика, лакомившегося саранчой, зажаренной с чесноком в масле. Он не спеша отрывал колючие лапки, отделял голову насекомого с несъедобным кишечником и отправлял крупное тельце в рот. Жевал с удовольствием.

Она с трудом отдышалась. Итак, Омар Хомахи оказался террористом, и Организация Объединенных Наций объявила об этом официально. Для нее, выпускницы Военной академии, слово «официально» являлось ключевым. «Официально» означало, что информация о человеке проверена и подтверждена национальными и международными структурами. С одной стороны, она обязана (перед Аллахом и перед собой, конечно) узнать, почему после побега из Триполи через несколько лет в далеком Йемене ее маму убили кошмарнейшим способом. С другой стороны, обладатель информации, которого она искала в пустыне долгие семь месяцев, оказался террористом. В Военной академии ее учили ненавидеть этих людей системно. Они разрушают уклад жизни многих миллионов людей. И препятствуют прогрессу. Поэтому на них следует смотреть через решетку тюремной камеры, а еще лучше, как говорил инструктор Гленн, через прицел надежной снайперской винтовки. До сегодняшней ночи она так и жила, но утром, когда приедет Омар Хомахи, ей придется разговаривать с ним чуть ли не по душам... Ей смертельно захотелось спать.

– Дядюшка Орион, сколько еще продлится самум? – спросила, чтобы отвлечься от тяжелых противоречивых мыслей да и скоротать тягучее время. Спрашивай о местной погоде, не спрашивай – на все воля Аллаха.

– Раньше песчаных бурь зимой не случалось, мадемуазель Медина, – ответил старик, размышлявший, как бы побыстрее разгромить Орла и завалиться спать. – Утром обычно ветерок дует с Магриба. А после полудня – с востока, это когда зимой... Но раньше настоящие бури начинались гораздо позднее, в феврале-марте... Климат на планете меняется, слышала? Глобальное потепление и все такое...

– Другими словами, вы не знаете.

– Ну почему же... Может, три дня будет дуть, а может, и всю неделю.

– Послушай, Медина, – сказал Орел, облизываясь в темноте, как гиеновидная собака рядом с уже распробованной добычей. – Нам с тобой надо мириться. В присутствии такого воина пустыни, как Хомахи, нельзя вести себя как грызуны гунди.

– Давай. Но при чем тут грызуны гунди?

– Мы с тобой говорили, что следует помыться песком. И ты будешь тереть мне спину.

– Разве я это говорила?

– Не важно. Грызуны гунди расчесывают себя гребнями. У них такие неприметные белые гребешки есть на задних лапках... Короче, давай мир?

– Хорошо.

– С этого момента обещаю держать себя в руках. А грызунов гунди покажу тебе, как только буря стихнет. Кстати, они тоже очень вкусные.

Она промолчала, и Орел наконец заткнулся. Она прикрыла глаза. Можно попытаться вспомнить симптомы биполярного расстройства из факультативного курса Военной академии, напрямую относящиеся к личности птенчика:

1. Резкие перепады настроения.
2. Нарциссизм.
3. Иллюзорное превосходство.
4. Неадекватная оценка ситуации.
5. Внезапная немотивированная агрессия.
6. Повышенная сексуальная активность.

Нестабильные паттерны личности начали складываться еще в детстве, когда мама на его глазах села на верблюда и растоптала брата-близнеца. Это и спровоцировало в дальнейшем развитие биполярного расстройства. В подростковом возрасте он зарубил мать мечом-такубой. В тюрьме поведенческие аффекты приобрели отрицательную динамику. Можно попросить при следующем разговоре со Стайером прислать из Йемена посылку с препаратами лития. И медикаментозно снять гипоманиакальный синдром у Орла. Но ведь господин майор начнет интересоваться, зачем она из нищего Йемена в счастливую Данию дефицитное лекарство заказывает... Ну что за глупости в голову лезут? Это уста-

лость и постоянный стресс. А вообще, чередующиеся эпизоды мании у боевиков – большая редкость. По крайней мере, такой типаж ей встретился впервые. Шансы на выживание бойца с маниакально-депрессивным психозом существенно ниже, чем у комбатанта с устойчивой психикой. Никто не будет терпеть рядом с собой явного психопата с оружием; такого свои же и прикопают...

6

Сон

И тут она отчетливо услышала, как над побережьем Аденского залива закричали чайки, обожравшиеся рыбой. Горячий влажный воздух обнял ее и усадил на раскаленной площади в пустынном центре городка Занзибар в родном Йемене рядом с белоснежной мечетью, построенной англичанами в 1873 году в честь султана Махмуда Седьмого Аль-Дадли Горбоносого, сопротивлявшегося колонизации двадцать шесть утомительных лет. Она оказалась в компании четырех старух, закутанных в черные бурки. Старухи, сидящие на корточках, уже не отбрасывали тени и, по всей видимости, находились здесь, у глинобитного, в трещинах, забора, еще со времен пророка Мухаммеда (мир ему и благословение!). Было жарко, как в прогретом хамаме, и хорошо, что под длинной, до пят, темной накидкой на оперативнице были лишь белые кеды, шелковые трусы-боксеры, спортивный топ и кобура с надежнейшим пятнадцатизарядным «глоком». Через вуаль и прорезь для глаз она наблюдала за группой командиров из соседней Саудовской Аравии, вышедших из мечети. Вальяжные бородачи-саудиты чувствовали себя в этой нищей стране не гостями, скорее – хозяевами. Они поправляли наплечные кобуры с тяжелыми пистолетами и громко смеялись, обсуждая какие-то «странности

в поведении этих деревенщин». За темными прищельцами потянулись и сами «деревенщины» – робкие местные прихожане в длинных белых рубахах-замах. Последним из мечети враскачку вышел принц Тарик, отпрыск династии султанов Аль-Дадли, слишком бодрый для седьмого десятка лет мужчина с крашеной бородой и глазами, похожими на земляные орехи. Он огляделся по сторонам, на пару секунд задержав взгляд на черных фигурах у забора, сунул босые ноги в утконосые туфли без задника и громко высморкался, но не наружу, как это делают обычные люди, а в обратном направлении, в глубину большого носа. Из-за наследственной патологии носовых раковин, передающейся по мужской линии, султанов Аль-Дадли в народе звали соплежуями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.